

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ

теория
история
политика

Коллектив авторов

**Золотой стандарт: теория,
история, политика**

«Интермедиатор»

УДК 336.743.22
ББК 65.262.611

Коллектив авторов

Золотой стандарт: теория, история, политика / Коллектив авторов — «Интермедиатор»,

ISBN 978-5-91603-660-2

Золотой стандарт — денежная система, существовавшая на протяжении большей части истории человеческой цивилизации. Можно сформулировать своего рода исторический закон: если в некоем регионе добывалось золото или если он имел торговые связи с регионами, в которых добывалось золото, то в этом регионе рано или поздно устанавливается денежная система на основе золотых монет. Историки пишут о двух-тысячелетней истории золотых денег. Для сравнения: современная денежная система на основе неразменных (на золото или серебро) бумажных денег существует лишь с начала 70-х годов XX в., когда Ричард Никсон «закрыв золотое окно», т.е. всего 40 лет. В последнее время все чаще обсуждаются проекты учреждения золотых денег (например, проекты золотого динара в арабских странах или золотой валюты в Юго-Восточной Азии). В ближайшем будущем в связи с глобальным экономическим кризисом обсуждение альтернативных денежных систем неизбежно активизируется. В сочинениях, включенных в настоящий сборник, описываются исторические и теоретические аспекты золотого стандарта, анализируются альтернативные проекты реформы современной денежной системы.

УДК 336.743.22
ББК 65.262.611

ISBN 978-5-91603-660-2

© Коллектив авторов

© Интермедиатор

Содержание

И. М. Кулишер Краткая история денежного обращения от средних веков до нового времени	6
Глава 1 Денежное обращение и денежная торговля в позднее Средневековье	7
Глава 2 Денежное обращение и цены в Новое время	21
Глава 3 Кредит и банки в Новое время	32
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Золотой стандарт: теория, история, политика

И. М. Кулишер Краткая история денежного обращения от средних веков до нового времени

Печатается по изданию: *Кулишер И. М.* История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум, 2004. Т. I, с. 368—90; т. II, с. 341—97.

Глава 1 Денежное обращение и денежная торговля в позднее Средневековье

В позднейшее Средневековье денежное хозяйство постепенно проникает во все сферы экономической жизни. Не только в городах обмен совершается при посредстве денег, но и в поместьях, как мы видели выше, натуральные повинности и барщина превращаются в денежные платежи. Однако развитие хозяйственной жизни в этом направлении сильно тормозилось недостатком в деньгах, недостаточным количеством благородных металлов, обращавшихся в стране.

Весь запас благородных металлов к концу XV в. *Лексис* определяет в 7 млн кг, или 1200—1300 млн марок, серебра и 500 кг, или 1000 млн марок, золота, а всего в 2—2,5 млрд марок. По другим вычислениям, этот запас не превышал 1 млрд (*Пешель*), 680 млн (*Якоб*) и даже 500 млн марок (*Лербуа*)¹.

Возьмем ли мы, однако, более высокую или более низкую цифру, мы должны во всяком случае иметь в виду, что в предшествующие концу XV в. столетия этот запас был еще значительно меньше, ибо лишь во второй половине XV в. добыча серебряных рудников (в Саксонии, Богемии, Тироле, Венгрии, Зальцбурге) сильно возрастает. *Лексис* определяет добычу серебра в 1260—1450 гг. в 27 тыс. кг ежегодно и лишь в 1450—1500 гг. в 44 тыс. кг; добыча золота и серебра вместе составляла, по его вычислениям, 11,9 млн марок ежегодно до половины XV в. и 14,8 млн марок в конце XV в. Далее, не следует упускать из виду, что приведенные выше цифры означают весь запас драгоценных металлов, а не одну лишь обращающуюся в стране монету. Между тем, по словам того же *Лексиса*, из 7 млн кг серебра – запас в 1500 г. – большая часть состояла из предметов украшения, посуды и т.д. и меньшая часть приходилась на долю средств обращения. Мало того, значительное количество последних извлекалось из оборота и сохранялось в качестве сбережений, скопляясь в руках отдельных лиц и корпораций; нередко они зарывались в землю (например, в больших размерах во Франции во время Столетней войны с Англией) или же отдавались на хранение церквям и монастырям. В подвалах последних, например ордена тамплиеров, ордена иоаннитов, Тевтонского ордена, скоплялись нередко огромные богатства, как в слитках, так и в монете и всевозможных украшениях из золота и серебра².

Недостаточность средств обращения подтверждается теми значительными затруднениями, которые вызывал всякий крупный платеж. После того как Ричард Львиное Сердце отнял у населения десятую часть имущества на Крестовый поход, доставление выкупа его из плена в размере 150 тыс. марок серебра кёльнского веса представило огромные трудности: пришлось переплавить в монету церковную утварь, в особенности кубки³. Ввиду недостатка в монете издаются распоряжения о том, чтобы всякий принес третью часть своих вещей из золота и серебра на монетный двор для перечеканки их в монету, причем иногда эту монету население получает лишь по истечении известного времени; следовательно, происходит принудительный заем (во Франции в 1313, 1332 и других годах). Ювелирам же запрещается выделывать

¹ *Lexis. Gold und Goldwährung. Lexis. Silber und Silberwährung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Peschel. Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen. 2. Aufl. 1877. S. 26 ff. Chevalier M. Dictionnaire d'economie politique. (Metaux precieux). Helfferich. Das Geld. S. 50—60.*

² *Delisle. Mémoire sur les operations financieres des Templiers // Académie des Inscriptions et Belles-lettres. T. 39. 1889. P. 2 ff. Prutz. // Sitzungsberichte der keis. Akademie der Wissenschaften (Wien). Philosophisch-historische Klasse. 1906. S. 12 ff. Sattler. Der Handel des deutschen Ordens in Preussen // Hansische Geschichtsblätter. Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Bd. II. S. 397.*

³ *Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters mit bes. Berücksichtigung des Zeitalter der beiden ersten Tudors. Bd. II. S. 483.*

предметы свыше определенного веса, или вообще их производство временно приостанавливается⁴. Короли неоднократно вынуждены были прибегать вследствие крайней нужды в деньгах⁵ к выпуску кожаных денег⁶ – прототипу современных бумажных денег. Более ранние виды денег (различные продукты, неметаллы) хотя и встречались несравненно реже, чем в предшествующий период, но все же не выходили из употребления. Так, хлеб (смолотый) составлял нередко платежное средство⁷; существовало выражение *Korngeld*, в противоположность *Pfenniggeld* (монета); монетный двор в Моравии еще в XIII в. платил королю за откуп монеты красным сукном⁸. Другие товары фигурировали даже в области международной торговли в качестве денег: в итальянских источниках XII в. находим обещание погасить обязательство на $\frac{1}{3}$ перцем, на $\frac{1}{3}$ бразильским деревом и на $\frac{1}{3}$ квасцами и ладаном, при отсутствии же последних товаров – одним лишь перцем⁹. Генуя еще в 1378 г., нуждаясь в значительных средствах на отправление посольства, объявляет, что она готова сделать заем в перце, обещая вернуть его в монете или в том же натуральном виде¹⁰; а в Германии имеется постановление конца XV в., которым подтверждается – хотя, по-видимому, уже безрезультатно – обязанность при отсутствии монеты (которая названа уже просто деньгами) принимать товары в качестве платежа¹¹.

Недостатком монеты объясняются и постоянные запреты вывозить золото и серебро в слитках¹², монете и утвари или уплачивать ими по векселям без особого каждый раз разрешения короля¹³; отсюда и требование, чтобы приезжие купцы приобретали на всю вырученную в данном месте сумму товары (в Венеции, в Англии). Впрочем, запрет вывозить слитки и монету вытекало также из других соображений. Короли желали извлечь доход из лицензий, выдаваемых на право вывоза монеты и слитков; этим путем они, наполняя свои сундуки, в действительности обходили запрещение (в Англии Генрих VII). Или же эти запреты имели целью предотвратить отлив из страны лучшей монеты, вывоз которой только и запрещается, как это было, например, во Франции в годы особенно сильной порчи монеты¹⁴.

Допиш в новейшем своем труде старается доказать, что натуральное и денежное хозяйства (в смысле отсутствия денег в качестве посредника в платежах в первом случае) не представляют собой две различные эпохи, из которых последняя следует за первой, а существуют одновременно во все периоды хозяйственного развития. При этом он совершенно упускает из виду количественный момент. Конечно, зачатки денежного хозяйства появляются уже весьма рано, в частности мы находим их уже в раннее Средневековье, но это были только зачатки, и лишь мало-помалу платежи в натуре стали вытесняться денежными. *Допиш* вполне правильно указывает на то, что и в позднее Средневековье натуральная форма сохраняется еще в значи-

⁴ Landry. Mutations des monnaies dans l'ancienne France. P. 107—109.

⁵ Жалобы на недостаток монеты мы встречаем неоднократно. См: Shaw. History of the Money. P. 30; Landry. Mutations des monnaies dans l'ancienne France. P. 101.

⁶ Такие деньги выпускают император Фридрих II во время осады Фавенцы в 1271 г., Иоанн Безземельный, французские короли Людовик IX и Иоанн Добрый (в 1360 г.), венецианские дожи (*Luschn von Ebengreuth*. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der neueren Zeit. S. 138. Roscher—Stieda. Nationalökonomie des Handels und Gewerbefleißes. Bd. III. 7. Aufl. S. 319. Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters mit bes. Berücksichtigung des Zeitalters der beiden ersten Tudors. Bd. I. S. 485. Raumer. Hohenstaufen. Bd. V. S. 461. Wachsmuth. Kulturgeschichte. Bd. II. S. 312).

⁷ См.: Tille. Getreide als Geld // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. S. XX. 1900. S. 730 ff., 572.

⁸ Juritsch. Handel und Handelsrecht in Böhmen bis zui hussitischen Revolution. 1907. S. 4.

⁹ Schaube. S. 164. См. также: Friedensburg. Münzkunde und Geldgeschichte des Einzelstaaten. 1926.

¹⁰ Sieveking. Genueser Finanzwesen vom XII—XIV. Jahrhundert. Bd. II. S. 157.

¹¹ Tille. Getreide als Geld.

¹² За вывоз благородных металлов грозили смертной казнью, и эта угроза приводилась в исполнение, как видно из случаев четвертования знатных лондонских купцов за нарушение этого запрещения (Shaw. History of the Money. P. 12).

¹³ В Англии в 1299, 1307, 1382, 1478 гг., во Франции в 1304, 1309, 1322, 1332 гг., в Арагонии в 1315, 1455 и др.

¹⁴ Кроме того, государи усматривали в самом факте вывоза монеты с их изображением оскорбление величества (Landry. Mutations des monnaies dans l'ancienne France. P. 98).

тельных размерах при уплате оброков и чиншей, при вознаграждении чиновников, при взносе податей и т.д., но из этого еще вовсе не следует, что кредитное и меновое хозяйства, так же как кредитное и денежное хозяйства, могут быть соединены вместе и что «натуральное, денежное и кредитное хозяйства существуют одновременно», как он утверждает. Эти факты свидетельствуют лишь о медленном проникновении денег во всякого рода платежи, в том числе и производимые в кредитных операциях (кредит был первоначально натуральный). Сам же *Допи* в другом месте своей книги указывает на то, что в новое время в городах «денежное хозяйство сделало успехи и развилось еще более, чем это уже имело место в Средние века, хотя натуральная форма и теперь еще сохранялась». *Допи* здесь признает постепенный рост денежного хозяйства; остатки же натуральной формы и впоследствии имелись¹⁵.

Еще более неблагоприятно для развития денежного хозяйства было другое обстоятельство – плохое качество монеты и чрезвычайная путаница в области денежного обращения.

Счетной единицей был в позднее Средневековье фунт серебра (ливр, лира), разделявшийся на 20 солидов (шиллингов) и 240 денариев (денье) или пфеннигов (пенсов), причем по-прежнему только последние, денарии, действительно чеканились и составляли орудие обращения¹⁶. Однако, ценность денариев понижалась все более и более; с одной стороны, находим кельнские и регенбургские денарии, содержавшие около 1,5 г (1,4 г) серебра, и английские стерлинги (также около 1,5 г), сохранившие в течение долгого времени тот же вес и содержание, благодаря чему они широко распространились по Германии и Франции; а в то же время фламандские, голландские, любекские, трирские и другие денарии составляли не более $\frac{1}{3}$ кельнского денария. Эти денарии уже ничего общего с фунтом серебра не имели: 240 денариев представляли собою значительно менее фунта серебра по содержанию, и название фунта обозначало теперь не фунт серебра, а количество в 240 денариев. В Госларе их стали выпускать в виде совершенно тонких пластинок, чеканенных лишь с одной стороны, ибо тонкость не допускала двусторонней чеканки; поэтому они и назывались *Hohlpfennige* или (по-латински) брактеаты. Да и самая либра, или фунт, заменилась теперь, параллельно сокращению веса денария, меньшей денежной единицей – маркой, которая составляла $\frac{2}{3}$ либры (в Англии), $\frac{1}{2}$ (во Франции) и даже меньше (в Германии). Марка означала также (как и либра) одновременно и весовую единицу, которую применяли при взвешивании товаров, и денежную единицу, из которой чеканилась монета (денарии).

Низкая ценность денариев делала и перевозку их крайне затруднительной. Для транспорта из Пьяченцы 15 мешков в 200 фунтов империялов – в Пьяченце денарии имели это название – необходимо было 16 вьючных животных. Потребность в более крупной монете заставила итальянские города – Верону, Венецию, Флоренцию – уже с конца XII в. чеканить солиды (шиллинги). За этими городами последовали вскоре и Болонья, Сиена, Лукка, Пьяченца. Солиды, которые ранее представляли собою лишь счетную единицу, теперь стали монетой, именно монетой в 12 денариев (позже и в 24—26 денариев). Эта монета в противоположность брактеатам получила название *grosso* или *grossi*, т.е. крупные, массивные (*denarii grossi de argento*, т.е. крупные серебряные денарии), в 12 *piccoli*, т.е. маленькие. За Италией последовала Франция (Людовик IX) со своими *grossi (albi) turonenses*, или турнозами (*gros tournois*), соответствующими (*grossus*) 12 денариям, или 12 *parvi turonenses*. А затем и чешский король Венцель II призвал флорентийцев для выделки крупной монеты по образцу итальянской: появились пражские грошени (от *grossus*). Вскоре чеканка их распространилась по австрийским территориям (мейсенские, богемские грошени) и вызвала (в течение XIV в.) под-

¹⁵ *Dopsch*. *Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte*. 1930. S. 110 ff., 145 ff., 173 ff., 205.

¹⁶ Весовые единицы и денежные единицы были одни и те же – в Англии в XIII в., в *Assisae panis* вес хлеба выражается в ливрах, шиллингах и пенсах. В России это сохранилось еще в XVI—XVII вв. См.: *Кулишер*. История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум, 2004. Ч. III. Гл. XIV.

ражение и в других местностях Германии: в Саксонии, на Рейне (albus или Weisspfennig, тот же грошен), в Северной Германии (любекские шиллинги), в Нидерландах¹⁷. В Англии, куда также Эдуард I привлек флорентийцев, в начале XIV в. появились грошены (groats) в 4 пенса и полугрошены в 2 пенса, а с конца XV в. и серебряные шиллинги в 12 пенсов. Таким образом, в XIII—XIV вв. появилась крупная серебряная монета, которая повсюду, не только по названию, но и по характеру, являлась однородной, чеканенной по образцу итальянской; она чеканилась в большом количестве и стала вытеснять никуда не годные брактеаты. Рядом с ней находим и новую мелкую серебряную монету в Англии уже с XII в. в полпенса и в $\frac{1}{4}$ пенса (фартинг), в Германии, в особенности в Южной и Западной, – в виде геллеров (чеканились они в г. Галле), содержащих первоначально $\frac{1}{3}$ грамма и чеканенных с обеих сторон. Благодаря усиленной чеканке их императорами, постоянству их содержания, в особенности же вследствие того, что геллеры были приведены в определенное соотношение с другими монетами (как 1 к 2 или к 8) и фунт геллеров должен был равняться флорентийскому гульдену, они вскоре стали как бы имперской монетой; но желание сохранять такое соответствие должно было привести вместе с тем и к ухудшению геллера по мере понижения в ценности гульдена и других монет¹⁸.

Гульдену представляют собою золотую монету (гульден, т.е. golden, и обозначает «золотой») и, подобно грошам, являются также итальянской монетой. Они, как это было с грошанами в отношении денариев, должны были заменить собою сильно понизившиеся (с 4,5 г серебра почти до 2 и ниже) grossi, или шиллинги. Пользуясь первоначально для крупных платежей византийской и арабской золотой монетой¹⁹, итальянские города, в особенности Флоренция, Венеция, стали позднее чеканить золотую монету в 3,5 грамма чистого золота; она должна была соответствовать фунту (лире), содержа 20 солидов (20 floreni argentei) и 240 денариев. Повторилось вновь то же движение. С середины XIII в. floreni aurei, или просто floreni (отсюда флорины, т.е. флорентийская монета), или дукаты (так они назывались в Венеции, так как имели изображение дожа – *dux*)²⁰, чеканятся во Франции (*écu d'or*; на них был изображен король со щитом); с XIV в. они чеканятся в Богемии и Венгрии (венгерские дукаты), где только и добывалось золото, причем снова призываются итальянцы. Позже их чеканят и императоры (Людвиг Баварский) и предоставляют всем курфюрстам право чеканки золотых монет (золотая булла) по образцу флорентийского гульдена (много чеканилось в XV в. в Любеке и Бремене); они чеканятся, наконец, во Фландрии и Голландии, в Испании (*oro florines*), в Англии (с середины XIV в. флорины в 6 шиллингов, *rosenoble* или *rial*, и с конца XV в. *sovereign*ы, или *double rial*, в 20 шиллингов). Соответствие с флорентийской монетой действительно долгое время повсюду сохранялось; установилась одинаковая система, широко были распространены итальянские, венгерские и рейнские гульдену, и до конца XV в. в Германии гульден (иногда он назывался *Schildgulden*, от французского *écu*, или реал – *regalis aureus*, т.е. королевский, подражание французскому *écu*) сохранял свою ценность. Впрочем, в конце XV в. в прирейнских местностях он содержал всего $2\frac{1}{2}$ г золота, почти столько же (2,40 г) содержал французский *livre*; еще сильнее, чем в Германии, упало содержание гульдена в Нидерландах (тогда как в

¹⁷ Schulte. Geschichte der grossen Ravensburger Gesellschaft. Bd. I. S. 330. Schröter. Das Münzwesen des Deutschen Reichs von 1500—1566 // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, hrsg. von Schmoller. 1911. S. 1699. Schmidt. Die Entwicklung und Verbreitung der Handelsgesellschaften. P. 1.

¹⁸ Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Bd. III. T. 2. S. 380 ff.

¹⁹ В основанных на Востоке крестоносцами государствах чеканилась золотая монета с арабскими надписями (нередко с магометанскими изречениями) – *byzantii sarracenati* (Pritz. Kulturgeschichte der Kreuzzüge. S. 372 ff.). В Южной Италии вплоть до XIII в. чекан обнаруживает сочетание византийского и арабского влияния, как в изображениях, так и в надписях на монетах (Friedensburg. Münzkunde und Geldgeschichte des Einzelstaaten. S. 114).

²⁰ На венецианских дукатах был изображен с одной стороны Спаситель, а с другой стороны – дож со знаменем св. Марка, патрона Венеции: надпись гласила: *sit tibi christe datus quem tu regis iste ducatus* [Пусть тебе, Христос, будет дан этот дукат тем, кем ты правишь (лат.)]. Иногда эти дукаты назывались также цекинами (*zecchino*) от слова *la zessa* – монетный двор.

1370 г. оно равнялось 3,5); в Англии содержание sovereign'a составляло 15,5 g^{21} . По мнению Шоу, история денежных систем в современных европейских государствах начинается лишь с XIII в., когда они стали чеканить золотую монету. Эта золотая монета, в особенности в XIV и XV вв., играла значительную роль в обмене; платежи при покупке больших ценностей, по долгам, при выдаче приданого часто производились золотом, как во Франции и Германии, преимущественно на Рейне, так и в особенности в Италии, где золото даже старались сделать единственным платежным средством для крупных сделок²². Напротив, Менадье утверждает, что в Германии, даже в прирейнских областях, золотые гульдены являлись лишь счетной единицей, уступив вскоре место серебряной монете, притом не столько грошам, сколько все более падающим в своей ценности пфенигам и геллерам, которые господствовали в обмене и вызывали волнения и смуты. Ганзейские города и некоторые немецкие князья в середине XV в. совсем запрещали пользование гульденами²³.

Характерную черту средневекового периода составляет факт постоянного падения ценности монеты вследствие сокращения содержащегося в ней количества благородного металла. Это являлось прежде всего последствием крайнего несовершенства техники в области чеканки монеты; последняя производилась при помощи молота и получала посредством щипцов форму диска. Монета при таких условиях не выходила вполне круглой и штемпель не покрывал всей монеты, а по краям отсутствовал. Поэтому монеты одного и того же достоинства уже при выпуске получались весьма разнообразные, различаясь друг от друга (денарии) на 40% и более; они легко изнашивались и еще легче обрезавались. Отдельные куски, выступавшие по краям, как бы прямо вызвали на это; но дело шло и дальше – щипцами обрезавались куски монеты, причем захватывалась и чеканка, отрезывались целые полосы вокруг монеты; найдено значительное количество – в несколько фунтов весом каждый раз – таких отрезанных частей монеты. Если где-либо появлялась лучшая монета, то ее немедленно скупали и переплавляли, так что в обращении оставалась только худшая²⁴. Чем дольше обращалась монета, тем более она изнашивалась и обрезавалась: последняя операция иногда производилась тут же при выпуске. Из этого и короли и феодалы сделали тот вывод, что позже выпущенную монету, для того чтобы она по своему содержанию равнялась ранее чеканенной, можно делать менее полновесной и таким образом присвоить себе всю ту выгоду, которую извлекали бы другие при обрезывании монеты. Вследствие этого к концу года чеканилась монета меньшего содержания, чем в начале года, – в Брауншвейге в XIV в., например, чеканилось из марки серебра в середине года 29 шиллингов, в следующие же месяцы 31, 33 и даже 35.

Этой операцией, однако, не ограничивалась порча монеты в фискальных интересах. По Саксонскому и Швабскому зеркалам, следует чеканить новые пфенниги, только «wenn neue Herren kommen», т.е. при вступлении на престол нового государя; но на самом деле феодалы выпускали ежегодно, два раза или даже 3—4 раза в год (ad tria fora, т.е. для каждой ярмарки), новую монету, которую население обязано было выменивать, возвращая в казну старую монету (revocationes, innovationes, mutationes). При этом оно получало обыкновенно за 16 старых денариев 12 новых того же достоинства, следовательно, несло ежегодно убытка на 25%; выгода же для фиска была гораздо меньше, ибо чеканка новой монеты обходилась весьма дорого. К этому средству прибегали и французские короли, в особенности Филипп Красивый, получивший прозвание фальшивомонетчика, почему Данте помещает его в аду, и Иоанн, в течение 14 лет изменивший 86 раз ценность серебряной монеты, прибегали и испанские монахи, и

²¹ Schröter. Das Münzwesen des Deutschen Reichs von 1500—1566. S. 1700—1704.

²² Shaw. History of the Money. P. 2. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, hrsg. von Schmoller. S. 1255—1258. Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Bd. II. S. 397.

²³ Friedensburg. Münzkunde und Geldgeschichte des Einzelstaaten. S. 44.

²⁴ Quando boni nummi vadunt Когда в ходу хорошие монеты, Statim eos igni tradunt. Их тут же несут в огонь. Sicque vadit pagamentum Так что для платежей используется Corium et non argentum. Одна шелуха, а не серебро.

немецкие курфюрсты, и города, занимаясь наперерыв порчей монеты. Частных лиц, виновных в этом, они подвергали смертной казни, утверждая, что фальшивомонетчики «привыкли» быть сваренными в кипящей воде, или заливали им горло расплавленным металлом. И в то же время короли считали себя вправе повышать или понижать ценность монеты по своему усмотрению, именно повышать, когда ожидалось крупные поступления, и понижать, когда предстояли значительные расходы для короля, «когда это требуют его дела», – таков был принцип финансовой политики. Французские же короли, преследуя за это феодалов, исходили не из ущерба, наносимого стране выпуском низкопробной монеты, а из принадлежащего королю исключительного права «понижать ценность монеты и делать ее тоньше». Как мы видим, «то изобретение дьявола, которое именуется деньгами», вызывало всегда особенно много злоупотреблений, которые к тому же вовсе не считались таковыми, а рассматривались в качестве вполне законного источника доходов. Обыкновенно происходил ряд последовательных уменьшений во внутренней ценности монеты (в содержании благородного металла); когда же понижение последней достигало значительных размеров, так что дальше уже идти невозможно было, и в населении господствовало сильное неудовольствие, тогда король, как бы идя навстречу жалобам населения, восстанавливал прежнюю ценность монеты, производя сразу крупное повышение; это вызывало сильную пертурбацию во всех расчетах, королю же давало возможность вновь начать понижение ценности монеты, т.е. начать историю с начала²⁵.

В течение всего средневекового периода идет борьба населения за *denarius perpetuus*, за вечную монету, которая не изменялась бы по несколько раз в год; говорили, что такие перемены пагубнее чумы и разгрома страны врагами, и называли князей грабителями: *non ducēs, sed fures*. В некоторых случаях требование о неизменности монеты удавалось осуществить; например, Аугсбург и Фрейбург добились того, что монета менялась лишь раз в четыре года. Но это происходило не безвозмездно. Теряя выгоду, извлекаемую из порчи монеты, король взамен этого выговаривал в свою пользу либо новую подать на обращение (иногда подать альтернативного свойства: или уплачивать в новой монете, или же в старой, но с приплатой особого сбора), либо ежегодную подать с движимого имущества, либо налог поочажный, привратный и питейный; последний в особенности давал несравненно больше, чем монетный доход. Эти подати носили название *Münzgeld*, *Ungeld*, *monetarium*, *monneyage*, *morabotinum*. Однако введение вечной монеты составляло явление сравнительно редкое; большею частью понижение монеты в ценности производилось и впоследствии до конца XIV и начала XV в., вызывая нередко внезапное повышение цен, бунты и мятежи. Французский король (и дофин) в годы народных волнений (1355—1358) вынужден был отказаться от дальнейших изменений в ценности монеты или, во всяком случае, обещал не производить их без согласия Генеральных штатов. Однако, когда волнения прекратились, он возобновил свои прежние операции, хотя и ссылаясь в своих ордонансах на крайнюю необходимость, на огромные расходы, вызываемые войнами, и на то, что эти меры в области чеканки произведены «после продолжительных и зрелых размышлений» и после совещаний с опытными лицами²⁶. Неудивительно при таких условиях, если внутренняя ценность монеты понижалась чуть ли не ежегодно: кельнские денарии, лучшая монета XIII в., с 1280 по 1380 г. ухудшались ежегодно на 2,8%; в Англии из фунта серебра в 1344 г. чеканилось 20 шиллингов, а в 1464 г. – 34 шиллинга; в Германии гульден с 23,5 карат (в 1354 г.) понизился до 19 каратов (в 1432 г.) а во Франции в XVI в. ливр представлял собой не более $\frac{1}{39}$ своего первоначального веса.

Хуже всего положение было в Германии, где уже с X и XI вв. имелось 160 монетных дворов, как это можно установить на основании сохранившихся от того времени монет. Если в это время еще преобладали денарии с именем и изображением императора, то все же появляются

²⁵ Landry. *Mutations des monnaies dans l'ancienne France*. P. 179—182.

²⁶ Ibid. P. 45—47.

уже и монеты, чеканенные герцогами и князьями, архиепископами, епископами и аббатами. Одни из них к имени императора присоединяют и свое, другие ограничиваются последним. В дальнейшем монетная регалия императора еще более ограничивается. Он вынужден отказаться от права чеканить монету на монетных дворах духовных и светских князей, и число последних, присваивающих себе право чеканки, растет бесконечно, всякий барон чеканит свою монету. Одни приобретают это право путем пожалования, другие посредством купли или на откуп, в качестве залога или за долги, постоянно или временно. С начала же XIII в. (междущарствия) масса мелких и мельчайших феодалов попросту захватывают его и подделывают наиболее распространенные сорта монет, чеканя их возможно менее полновесными. Попытки борьбы с таким нарушением прав императора (эдикты конца XIII в.) потерпели полное крушение. Мало того, с XIII, в особенности же с середины XIV в. и города стали чеканить свою монету, хотя эта городская монета имела иной характер, чем та, которую выпускали феодалы. Не только самое право чеканки города приобретали у территориальных князей путем купли, но они старались в интересах своей торговли чеканить монету хорошего качества.

Сильно раздроблена была монетная регалия и в других странах – в Нидерландах, в Италии, где ее чеканили и города, составлявшие самостоятельные республики, и княжества духовные и светские. Лучше обстояло дело в Англии. И здесь первоначально было много монетных дворов, но все же чекан был однообразный – повсюду чеканилась королевская монета. Позже и число монетных дворов сократилось до 40, а к концу XIII в. и до 12.

В истории французской монеты надо различать два периода. Первый охватывает эпоху до XIII в., которая характеризуется обилием «феодальных монет», их чеканит всякий герцог, граф, епископ. Из 300 монетных дворов выпускается низкопробная, все более ухудшающаяся монета. Но затем дело меняется. С усилением королевской власти сокращается право чеканки феодалов путем выкупа его королем в одних случаях, предписанием определенной пробы при чеканке монеты – в других, причем на монетных дворах имеются надсмотрщики, следящие за выполнением распоряжений короля.

Таким образом, в сущности говоря, в Средние века всякая монета была неполновесной, ибо между ее номинальной ценностью и действительным содержанием металла было огромное расстояние; при императоре Генрихе IV на некоторых монетных дворах чеканились почти медные пфенниги; такая же монета имелась и во Франции в конце XV в. Это происходило не только вследствие дороговизны (4—6%) чеканки, расходы которой несло население, но и вследствие той прибыли, которую извлекали государи, чеканя нередко 18 ливров из слитка, купленного за 4 ливра. И это проделывали не только императоры и короли французские или английские, но и все те многочисленные феодалы и бароны, прелаты и города, которые чеканили монету. Во Франции в XIII в. этим правом пользовалось более 80 феодалов, в начале XIV в., впрочем, уже всего 30, а в начале XV в. всего 7²⁷.

В Германии находим в конце Средних веков около 600 монетных дворов. Получалась чрезвычайная многочисленность сортов монеты, выпускаемых из различных монетных дворов и из одного и того же монетного двора в разное время с постоянным изменением чекана. Так, в течение 150 лет, с середины XIII до конца XIV в., были выпущены венские пфенниги стольких же различных видов чеканки, а на 32 года правления Бернгарда из дома Асканиев приходится около 100 брактеатов разного чекана, т.е. чекан менялся 3 раза в год. Это вызвало крайнюю путаницу в средствах обращения, ибо на одном и том же рынке обращались монеты самого разнообразного сорта, качества и достоинства.

---

²⁷ Menadier. Eine Münzgeschichte der europäischen Staaten // Schausammlungen des Münzkabinetts im Kaiser-Friedrich-Museum. 1919. (Schausammlung). *Friedensburg*. Münzkunde und Geldgeschichte des Einzelstaaten. См. также: *Inama-Sternegg*. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Bd. III. T. 2. *Luschin von Ebengreuth*. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte.

Правда, государи признавали единственной валютой выпускаемую ими (и притом только последнюю выпущенную) монету, и «геллер являлся деньгами только в том месте, где был чеканен», а рейнские курфюрсты даже неоднократно запрещали у себя обращение чеканенной императором монеты. Однако найденные клады показывают, что в одном и том же месте обращались пфенниги весьма различного происхождения, а в баварских таможенных уставах неоднократно говорится, что с головы свиньи должен быть уплачен пфенниг «в монете, которая существует там, откуда гонится свинья». Общераспространенность приведенного выше положения опровергается аахенским постановлением XII в., согласно которому «любая монета может обращаться соответственно своему достоинству». Во Франции с 1262 г. наряду с феодальной монетой, имеющей ограниченное по месту обращение, имеется королевская монета, являющаяся повсюду законным платежным средством. Здесь, как и в других странах (Франции, Англии, Испании), допускалось и обращение различных иностранных монет, но при том условии, чтобы они принимались не свыше их внутренней ценности, ибо короли не желали принимать во внимание доход, выручаемый другими сеньорами из монетной регалии, – условие трудновыполнимое²⁸. Но в действительности монеты оказывались международными и принимались, конечно, по ценности, превышавшей ценность содержащегося в них благородного металла.

Во Франции, например, в XIII и XIV вв. обращались рядом с королевскими и сеньориальными монетами также арабские, сицилийские, византийские, флорентийские, на юге – миланские фунты и венецианские дукаты, в Шампани – испанские реалы, бургундские и английские нобили и нидерландские кроны²⁹. Любекские и кёльнские монеты, английские стерлинги в XIII в. и французские турнозы в XIV в. обращались повсюду. Еще более распространены были венецианские grossi и дукаты и флорентийские fiorini, свидетельствуя о торговом господстве этих городов; они стали мировыми деньгами³⁰. Да и неудивительно: в то время как чекан других монет изменялся два-три и более раз в год, чешские грошени сохраняли свой чекан из года в год, а венецианские дукаты не изменяли заимствованного из Византии чекана со времени Четвертого крестового похода в течение пятисот лет. Самая чеканка монет производилась нередко феодалами по образцу этих наиболее ходячих монет; найдено, например, 85 различных подражаний стерлингу и почти столько же флорину; даже папа римский чеканил монету по образцу последнего. В особенности же мелкие феодалы с поразительной точностью копировали чекан наиболее распространенных монет: кёльнских пфеннигов – на всем Рейне, в Вестфалии и Нидерландах, магдебургских – в Восточной Германии и Польше; фламандские botdrager в XIV в. чеканились 24 баронами³¹. Это приводило к установлению на практике однообразных систем, но и оно было соединено со стремлением к извлечению дохода из монеты и поэтому не предотвращало порчи ее; чеканя гульден по образцу флорентийских (иногда это было даже предписано городам) или турнозов, государи старались делать их по возможности менее полноценными, сокращали, следовательно, содержание в них золота. И монетные союзы – соглашения между феодалами или городами относительно одинаковой монетной единицы – едва ли способны были ввести порядок в монетное обращение. Так, например, союз рейнских курфюрстов и городов, в котором участвовало 11 князей и 74 города, сделал рейнский гульден

---

²⁸ Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Bd. III. T. 2. S. 367. Friedensburg. Münzkunde und Geldgeschichte des Einzelstaaten. S. 26.

²⁹ Shaw. History of the Money. P. 18. Landry. Mutations des monnaies dans l'ancienne France. P. 96—196. В Бордо вместо 17 ливров turonenses (tournois) можно было уплатить либо три золотых écus, либо два menrigues новых, либо два рейнских гульдена или пять аррагонских или три итальянских (au chat). (D'Avenel. Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général. T. III. P. 58.)

³⁰ В Германии такой ходячей монетой являются в XIII в. английские стерлинги, позже французские турнозы, затем богемские и мейсенские грошени, а с середины XIV в. золотые монеты – флорентийские гульден французского и нидерландского чекана, а на юго-востоке венецианские и венгерские (Luschin von Ebengreuth. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte. S. 240).

³¹ Friedensburg. Deutsche Münzgeschichte. S. 112—113.

типичной немецкой золотой монетой и установил определенный курс других местных и иностранных монет³². Но это помогло столь же мало, как и образование других монетных союзов.

Из кладов, изображений и литературы того времени можно усмотреть, что население прибегало к другим средствам, пользуясь при платежах украшениями в виде колец или кубков, кусками серебра или серебряными спиралями; обращались слитки, которые в случае значительных платежей взвешивались. Феодалы боролись с этим, устанавливая для монетных дворов монополию покупки серебра, ибо замена монеты слитками грозила им потерей дохода от чеканки монеты. Или же купцы прибегали к взвешиванию самой монеты, что также запрещалось³³; они принимали денарии лишь по весу в целых фунтах и марках – исход хотя и необходимый, но сопряженный со значительной затратой непроизводительного труда, ибо, неся расходы по чеканке монеты, население не имело никакой пользы от нее. Но и поскольку пользовались монетой, в Средние века всегда проводилось различие между монетой реальной, обращающейся в стране, *moneta usualis et dativa* («gang und gäbe») и монетой счетной, или эффективной (*monnées parlées*). Последняя отличалась от первой уже в том отношении, что долгое время не чеканилось таких монет (солидов и фунтов), которые составляли более высокую счетную единицу, представляли собою известное количество действительно обращавшейся монеты (денариев). Мало того, ценность счетной монеты, равняясь номинальной ценности монеты данного сорта (например, денария), была выше ценности действительной монеты (того же денария, обращавшегося в стране), многократно испорченной и вследствие этого понизившейся в содержании металла. Самое существование такой счетной, или нормальной, монеты являлось выражением укоренившегося в населении убеждения в неполноценности существующей в обращении монеты (пагамента); последнюю при платежах сводили к определенному количеству нормальной, или расчетной, монеты, действительно содержащей известное количество благородного металла.

Поэтому мы находим записи вроде такой: 212 ливров 18 су неполновесной монеты, которые равняются 106 ливрам 9 су чистой монеты (т.е. вдвое менее). Или встречаем записи в различных монетах – *forte*, *moyenne*, *faible*³⁴; или же вычисление поступлений происходит в полноценных *éсu*, которые, соответственно постепенному понижению ценности су французскими королями, в течение года приравняются к 20, 30, 40, 50 и даже 80 су в одном и том же году³⁵. Кредиторы казны и поставщики ее, конечно, вынуждены были принимать монету (новую монету местного чекана) по ее номинальной цене, но население старалось предотвратить печальные результаты фальсификации ее (в виде влияния на цены), принимая монету лишь по ее действительному содержанию, поэтому купцы совершали между собой договоры на старую более полновесную или на иностранную монету. И прочее население боролось со злоупотреблениями королей, исходя из определенного количества благородного металла в монете, не выполняя требования о доставке на монетный двор старой монеты для замены ее новой, менее полновесной, и пользуясь по-прежнему такой старой монетой. Но борьба эта была не всегда одинаково интенсивна и успешна; факты повышения и понижения цен, следующие за соответствующими изменениями в монете, свидетельствуют о том, что операции в области

³² Еще раньше находим соглашения между городами у Боденского озера. Впрочем, даже *Rappenmunzbund*, к которому принадлежали многие города западной Германии в XV в., не мог предотвратить уменьшения содержания монеты на $\frac{1}{3}$ в течение 75 лет – низкая техника чеканки, обрезывание монеты и изнашивание ее привели к этому. Ср.: *Cahn. Rappenmunzbund. 1901.*

³³ См., например, французские ордонансы 1330, 1340, 1347, 1361 гг. (*Landry. Mutations des monnaies dans l'ancienne France. P. 194.*)

³⁴ *Marca probati, fini, recti, aibi, puri argenti* с одной стороны, и *non probati, nigri argenti*, с другой стороны (*Luschin von Ebengreuth. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte. S. 114.*)

³⁵ В Мерзебурге, например, лот серебра в начале года приравнялся к 20 пфеннигам, с 1 мая до 24 августа – 48 пфеннигам (вследствие уменьшения содержания их по мере приближения к концу года).

монетной регалии неоднократно оказывали влияние на хозяйственную жизнь, внося моменты неопределенности и неизвестности во всякие расчеты.

Хаотическое состояние денежного обращения, многочисленность обращающихся на одном и том же рынке видов монеты, постоянная замена одних монет другими, плохая чеканка их, широкое распространение фальшивой монеты – все это вместе, в связи с требованием, чтобы платежи производились именно в данной монете, вызывало в Средние века существование особого промысла менял (*cambiatores*, *campsores* от *cambium* – «мена») или «банкиров», *bancherii*, *tabulanii* (от слова *banco* или *tabula* – «стол, на котором лежали мешки с монетами»). Они занимались разменом монеты или покупкой монеты – как говорили в те времена, промыслом столь же сложным и трудным³⁶, как и доходным. Ибо меняла должен был обладать сведениями о том, сколько долей чистого серебра или золота содержала в себе всякая монета, которая ему вручалась; он узнавал это посредством взвешивания или просто на глаз, на основании продолжительной практики. Он должен был знать, сколько монет всякого другого рода равняются по ценности монете того рода, которая разменивалась в каждом отдельном случае.

По арабским источникам, менялы встречаются уже в X в. в Палермо; в 1111 г. менялы г. Лукки дают клятву на будущее время воздерживаться от обманов, воровства и фальсификации, и клятву эту приказали вырезать на мраморном камне, поставленном в притворе собора. В течение XII в. менялы, объединенные в корпорации, встречаются повсюду в итальянских городах (Генуе, Венеции, Болонье), где они в церквах или на площадях перед церковью устраивают свои столы и лари. А затем мы их находим и в других городах и странах как Востока, так и Запада, почти исключительно в лице тех же итальянцев; в Монпелье самая церковь называлась *Ecclesia beate Marie de Tabulis*, ибо здесь находились *tabuli* итальянцев. Даже если размен монеты считался правительственной регалией, как это было, например, в Англии, последняя отдавалась на откуп тем же итальянцам.

Теми же обстоятельствами – условиями денежного обращения – вызывалась и другая денежная операция, производимая также менялами или банкирами рядом с разменом монеты. Мы имеем в виду перевод денег по книгам с целью избежания уплаты наличными: когда один из клиентов должен был уплатить другому, то это делалось посредством переписывания сумм в торговых книгах со страницы платящего на страницу получающего – *pagare in banco*, «*giro*» (джиро обозначает «круг»). Широко это практиковалось уже на ярмарках Шампани (в начале XIII в.), где приезжие торговцы передавали привезенные с собою деньги меняле, а по окончании ярмарки производили платежи посредством зачета и перевода по книгам, в которых указаны были *debet* и *credit*; только разница действительно выплачивалась наличными. Размен монет заставлял менялу всегда держать наготове самые разнообразные монеты, за которыми к нему могли бы обратиться, как и золото и серебро в слитках, следовательно, производить операцию покупки монеты и слитков. Перевод же платежей предполагал в свою очередь существование вкладов, т.е. передачу денег меняле с тем, чтобы они хранились у него и по требованию возвращены были обратно вкладчику или уплачены по его указанию другому лицу, его кредитору. Операция вкладов практиковалась в Италии в значительных размерах: население привлекалось к депонированию денег нередко высокими процентами по вкладам, уплачиваемым банкирами; поэтому банкротство менялы или банкира отражалось на широких кругах населения.

Проценты по вкладам мы встречаем уже в начале XIII в. в Венеции, как и у флорентийских компаний, например Барди, Медичи, у которых герцог Бургундский, придворные и духовные лица помещали свои деньги и уплачивали 10—12% по вкладам. Особенно расширились эти операции под влиянием превращения итальянских банкиров (в Англии, Франции, Коро-

---

³⁶ «Он должен быть внимательным и аккуратным, работать день и ночь и постоянно, вести счета, чтобы у него все было в порядке» (Уццано, 1442 г.).

левстве обеих Сицилий) в сборщиков десятины и прочих папских налогов, а также в сборщиках местных податей и таможенных сборов. Все эти суммы депонировались у них; у товарищества Спины, например, с 1300 до 1303 г. было депонировано 137 тыс. золотых флоринов, или свыше полумиллиона рублей папских сумм; затем эти деньги выплачивались ими по мере надобности должникам папы, короля и т.д. Например, по поручению папы Бонифация VIII компания Франчези перевела неаполитанскому королю Карлу 4 тыс. унций золота, или около 100 тыс. рублей; кардинал-легату Бертранеу из Болоньи было выплачено компанией Ассиауоли в течение 10 месяцев 1323—1324 гг. по поручению папской курии 230 тыс. золотых флоринов, что составляет огромную, в особенности для того времени, сумму в 1 млн рублей.

Наконец, в связи с теми же неудовлетворительными условиями денежного обращения возникло и новое орудие платежа – вексель. Слово «вексель» обозначает «обмен»: и латинское *cambium* и немецкое *Wechsel* значат «обмен», тот же смысл имеет *bill of exchange*, *lettre de change*. В Средние века понимали под этим обмен или размен денег, причем различали два вида последнего. С одной стороны, *cambium* обозначало непосредственный обмен одной монеты на другую, совершаемый менялой в том же месте и немедленно; последний взамен известного количества одной монеты выдает соответствующее количество другой. Это то, что мы называем разменом (о нем речь была выше), обмен из рук в руки, почему он и обозначался *Handwechsel*, *cambium manuale*, *cambium sine litteris*. А с другой стороны, существовал тот же обмен денег или размен, но в другое время и в другом месте – *cambium per litteras*. Итальянские (провансальские и др.) купцы, отправляясь на ярмарки Шампани для приобретения сукна и других товаров, желали избежать перевозки с собой значительного количества монеты, обходившейся весьма дорого (требовалось большое количество лошадей) и сопряженной с опасностью быть ограбленным. Имея также в виду, что им все равно на ярмарке придется произвести размен своей монеты на местную, они предпочитали произвести этот же размен у себя в Италии. Но за уплаченную монету они брали не другую монету, а письмо, документ, на основании которого, при предъявлении его, получали соответствующую сумму по прибытии на ярмарку. Точно так же и сборщики десятины (т.е. подати в пользу церкви), рискуя быть по дороге ограбленными, не везли ее из Англии в Рим, а, оставаясь в Англии, вносили ее в различных монетах меняле в Лондоне. Последний выдавал им кредитный документ на получение данной суммы в флорентийской монете в Риме, причем этот документ они через нарочного посылали папской курии. «*Timens maris pericula*, – пишет один сборщик, – *feci cambium cum sociis societatis Bardorum*», т.е., опасаясь перевозки денег морем, я произвел вексельную операцию с товариществом Барди, перевел деньги через них. Это различие по местности, расстояние (*distancia loci*) являлось вместе с различием в монете характерной чертой средневекового векселя, хотя иногда оно было лишь фикцией; других векселей, без различия в местности, мы в эту эпоху не находим.

Де Марес в 1895 г. нашел в архиве города Ипр свыше 7 тыс. документов (относящихся к 1249—1291 гг.), составляющих, по-видимому, остаток еще большего архива и заключающихся в кредитных записях; каждая состоит из двух частей – признания долга должником и вызываемого им обязательства уплаты; эти две части писались вместе, но затем зигзагообразно (*chirographum*) одна отрезывалась от другой. Это векселя, имеющие, однако, ту особенность, что они носят не обычный частный, а публичный характер, они составлены в присутствии шеффенов города, и в них имеется введение, обращенное ко всем («Да знают все, кто ныне существует и кто будет существовать и кто увидит этот документ, что такой-то обязался» и т.д. – *litterae patentis*); одна часть сохраняется в архиве города³⁷.

³⁷ *Des Marez*. La lettre de foire a Ypres au XIII siècle. См.: *Huvelin*. // *Revue historique*. Т. 72. Р. 152 ff. *Pirenne-Lamerre*. // *Bulletin de l'Académie royale de Belgique*. 1900. Р. 130 ff. *Schulte*. // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. Bd. XXIII.

До самого последнего времени полагали – и это излагается до сих пор в учебниках политической экономии и торгового права, – что первоначальную форму векселя составлял не простой, а переводный вексель, т.е. приказ об уплате, посылаемый третьему лицу; полагали, что банкирский дом выдавал документ лицу, внесшему денежную сумму, в котором приказывал своему отделению, чтобы оно уплатило предъявителю сего документа. Однако, как выяснил *Гольдшмидт*, наиболее старинные векселя, именно генуэзские второй половины XII в. (начиная с 1155 г.), найденные в сохранившемся архиве нотариуса того времени Джованни Скриба, являются простыми векселями (*carta di cambio*), не приказами, а обещаниями платежа, векселями, выданными на себя, а не на других лиц³⁸. Они имеют такую форму: «Я, Солиман, заявляю, что получил от тебя, Огерия, 15 фунтов генуэзских денариев, которые обязуюсь дать тебе или твоему фактору³⁹ в Александрии в размере $2\frac{3}{4}$ византий (византийская монета) за фунт». Они имеют характер нотариальных документов, вносятся в книги нотариусов, в присутствии свидетелей. Первоначально, по-видимому, уплата по векселю производилась тем же самым лицом, которое получило деньги, и вся суть операции состояла, следовательно, в том, что меняла или банкир, а не купец, менявший деньги, вез монету к месту назначения, где происходила уплата по векселю; следовательно, банкир нес весь риск, сопряженный с перевозкой монеты, – он все равно вез с собой монету на ярмарку для производства там разменных операций. Или же банкир даже не вез монету с собой, а, приехав в место назначения, получал там деньги от своих кредиторов или за продаваемые им товары (он занимался и торговлей⁴⁰) и из этих денег уплачивал по векселю. Но вскоре (уже в начале XIII в.) в векселях добавляется, что уплату обязан произвести либо он, либо его доверенный (*per me vel meum nuncium solvere seu solvi facere promittit*), который находился в месте назначения. Последнему сообщалось об этом, посылалось письмо (*littera di pagamento, lettre de payement*). Оно называлось *tracta* (отсюда слово «тратта», которым мы обозначаем переводный вексель), в противоположность самому векселю (*carta*) и являлось лишь добавлением к векселю, а не самостоятельным документом; ибо лишь вексель обязывал банкира к уплате, если бы лицо, на имя которого он посылал письмо (трассат), отказалось уплатить по векселю. Лишь к концу средневекового периода этот приказ (письмо, тратта) стал действительным (переводным) векселем, и первый документ (простой вексель) оказался при платежах на расстоянии излишним.

Шаубе не согласен с этой теорией происхождения переводного векселя, а высказывает иное, третье мнение, утверждая, что простой и переводный векселя возникли независимо друг от друга, так что современный вексель имеет двойкий корень. Приказы об уплате той или другой суммы определенному лицу он находит в письмах, которыми обменивались различные фирмы или которые посылались факторам, агентам или членам итальянских компаний в различные города и страны, где они находились (например, коммерсанты Пьяченцы и Сиены имели своих представителей в Марселе и на ярмарках Шампани, флорентийцы в Лондоне и т.д.). Впоследствии такой приказ об уплате выделился из коммерческого письма (хотя и позже в векселях упоминается о продаже товаров, о помещении остающейся денежной суммы и т.д.) в самостоятельный документ, который теперь уже вручается самому кредитору (так что он при-

³⁸ За Генуей следует Пиза, где вексель впервые появляется в 1197 г., в Венеции его находим в 1202 г., во Флоренции в 1220 г. (*Davidsohn. Forschungen zur Geschichte von Florenz. Bd. IV. S. 218*).

³⁹ Уже в это время уплата производится либо самому кредитору, либо другому лицу, по его указанию (*missus, certus missus, nuncius, certus nuncius*) – *tibi vel tuo misso, aut cui preceperit suprascriptus* (*Brunner. Die frankisch-romanische Urkunde // Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht und Konkursrecht. 1877. S. 94 ff.*). *Tibi vel tuo misso danti mihi hanc cartam* (тебе или твоему представителю, при предъявлении этого документа), как гласит вексель 1214 г., выданный в Генуе с обязательством уплаты в Монпелье в ближайшую пятидесятницу. *Doivent... à Renier Jake et a Lutier Bon Enfant et à leur compaignons marceant de Florence de la compaignie de Freskebaus... a aus u a lor commant qui cheste chartre partie aportera* – два жителя Ипра обязуются уплатить двум представителям известной флорентийской компании Фрескобальди или кому они прикажут на майской ярмарке в Провансе (вексель выдан в январе 1288 г.).

⁴⁰ См.: *Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум, 2004. С. 347.*

обретает уверенность в том, что распоряжение об уплате сделано), и последний его предъявляет. А вместе с тем он превращается в квалифицированный приказ, в вексель, ибо не только признается факт полученной должником суммы, но и обязанность уплаты ее и ответственность должника – в случае неуплаты трассатом (т.е. лицом, которому отдан приказ уплатить) должник (т.е. выдавший вексель) обязан сам удовлетворить кредитора (право регресса). В силу существовавших среди итальянских купеческих корпораций обычаев⁴¹ такого частного обязательства (отличие от нотариального документа, каким являлся простой вексель) было вполне достаточно, и тратта приобрела равную простому (т.е. нотариальному) векселю юридическую силу и могла постепенно заменить его, вытеснить в обращении – сначала среди купцов одного и того же города, как входящих в ту же корпорацию, а затем и среди коммерческих кругов Италии вообще и их многочисленных представителей за границей. Широко разветвленный товарообмен и кредитные операции итальянцев вызывали необходимость в создании такого нового удобного и гибкого платежного средства в международных сношениях, каким являлась (значительно упрощенная по сравнению с простым векселем) тратта. По мнению *Шаубе*, уже в начале XIII в. мы находим наряду с «торжественным обещанием платежа» (простым векселем) и «письменный приказ платежа» (тратту).

В XIV в. появляются и характерные для тратты институты акцепта и протеста векселей. Первое обозначает заявление трассата (на которого выставлен вексель) о своей готовности уплатить (*littera cambiae acceptavit*); надпись делается обязательно на самом векселе (стат. Лукки 1376 г., Флоренции 1393 г., Барселоны 1394 г.); венецианская фирма Соранцо обязуется (в 1461 г.) уплачивать по трассированным за счет казны векселям (*servire acceptareque*). Протест (*protestatio*) выражается в нотариальном заявлении предъявителя векселя о том, что обязанность уплатить не выполнена. Случаи такого рода находим в Пизе в 1335 г., в Венеции в 1359 г. В XV в. встречаем много случаев трассированных из Венеции на Лондон векселей и в Лондоне опротестованных ввиду отказа в уплате. Платеж производится в XIII—XIV вв. обычно на ярмарках Шампани (*par lettere delle pagamento per la prossima fiere di Campagna*), почему такого рода векселя приводятся в сборниках того времени в качестве типичных примеров.

Однако тот же *Шаубе* в другом месте⁴² признает, что некоторые относящиеся к XIII в. переводные векселя как будто подкрепляют предположение *Гольдсмитта*, являясь последствием принятого на себя обязательства уплатить кредитору, хотя это обязательство, по-видимому, выражено не в письменной форме (т.е. в виде простого векселя, как утверждает *Гольдсмитт*), а в качестве устно данного под присягой обещания. Таковы, например, тратты, выданные императрицей Марией (Латинская империя) в 1249 г. на имя французской королевы Бланки, которая должна уплатить указанную сумму тосканским купцам (рыцарям), причем им должно быть отдано преимущество перед другими купцами и даже перед всяким другим. К началу XIII в. появляются так называемые общие кредитные письма (которые ни *Гольдсмитт*, ни *Шаубе* еще не признают векселями), при помощи которых король, епископ или барон старается доставить находящимся на службе у него лицам (рыцарям) нужную им сумму. Он передает им такой документ, в котором обязуется «всякому купцу или иному лицу, которое ссудит данного рыцаря суммой в известных пределах, вернуть кредитованную сумму, причем для этого необходимо представление как самого заемного письма, так и подтверждения в произведенной уплате» (*presentis litteris una cum litteris patentibus super hoc confectis*). Последнее, однако, выражается не в квитанции или расписке, а в прилагаемой к (этому) заемному письму (*litterae de mutui faciendo*) тратте (*litterae mutui contracti*), в которой содержится обращенная к выдав-

⁴¹ См. там же, с. 329—330.

⁴² *Schaube. Anfänge der Tratte // Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht und Konkursrecht. Bd. 43.*

шему заемное письмо (королю) просьба вернуть выданные деньги⁴³. Таким образом, последний (король) в своем обращении разрешает выставить на него вексель в пределах известной суммы и обязуется по этому векселю уплатить. Здесь, в сущности, имеется своего рода простой вексель (обязательство уплаты), на основании которого составляется переводный – просьба о возврате уплаченной суммы⁴⁴.

Возникнув первоначально, по-видимому, в области морской торговли, а затем перейдя и в сферу сухопутной торговли, вексель уже в XIII в. широко распространился в качестве выдаваемого купцами документа во всей Южной и Юго-Западной Европе, т.е. повсюду, где появлялись итальянцы в качестве банкиров и купцов. Уже из одного только коммерческого письма флорентийского торгового дома Черчи, обращенного к представителю его в Лондоне в 1291 г., можно усмотреть, что тратта применялась в те времена для следующих целей: находящиеся в Лондоне представители флорентийского товарищества этим путем получают нужные им суммы с ярмарок Шампани, флорентийцы из Англии посылают через посредство товарищества деньги домой, кредитор во Флоренции инкассирует платеж у другого флорентийца, находящегося в Англии; представитель английского аббатства обеспечивает себе через посредство того же товарищества нужные ему для пребывания в Риме суммы. В 1315 г. герцог Иоанн разрешает итальянцам, приезжающим во Фландрию, производить размен монеты непосредственно или при помощи выдачи векселей: *quod possint cambire cum litteris seu sine litteris*⁴⁵. Пеголотти, писавший в первой половине XIV в., приводит уже (в гл. 45) разницу вексельных курсов на различные города⁴⁶, и из книги Уццано (XV в.) видно, что непосредственные вексельные операции производились между всеми наиболее важными торговыми пунктами Италии, Франции, Испании, Фландрии, а также Лондоном. Только в Германии вексель появился позже, лишь в XIV в., и хотя и там применялся в торговле с Фландрией (и там находим векселя вместе с дополнительными приказами – траттами), а в начале XV в., по-видимому, стал общеупотребительным средством платежа в торговле между различными областями, но не имел в Средние века такого значения, как в итальянской торговле⁴⁷.

---

⁴³ *Шаубе* усматривает причину этого в том, что возвращаемая сумма вследствие прибавления процентов значительно превышала уплаченную; для того, чтобы обойти запрещение взимания роста, и не указывали выданной суммы, т.е. не представляли расписки в получении ее, а составляли особый документ на эту сумму вместе с процентами.

⁴⁴ См.: *Goldschmidt*. Universalgeschichte des Handelsrechts. Bd. I. S. 397 ff., 433 ff. *Schaube*. Beobachtungen zur Entstehungsgeschichte der Tratte // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. XXVII. S. III ff., 128 ff., 144 ff. *Schaube*. Anfänge der Tratte. S. 28 ff., 42 ff. 50. См. также: *Kuntze*. Deutsches Wechselrecht. S. 130 ff. *Brener*. Abhandlungen aus dem Gebiete der Rechtsgeschichte. S. 68.

⁴⁵ Чтобы деньги могли обмениваться с расписками или без расписок (лат.).

⁴⁶ *Termini di cambiora che si mandano a pagare o e ricevere per littera di pagamento di Firenze in diverse parte del mondo o di diverse a Firenze, o da una terra ad un'altra*. [Курсы для оплаты или получения (денег) по векселю, выданному в Флоренции, в различных частях мира или различных регионах Флоренции, а также позволяющие осуществлять денежные переводы из одной страны в другую. (итал.)]

⁴⁷ Относительно вексельных операций в области Ганзы см.: *Neumann*. Geschichte des Wechsels im Hansagebiete // Beiträge zur Zeitschrift für Handelsrecht. Pauli. Lübeckische Zustände im Mittelalter, торговую книгу: Das Handlungsbuch Vicos von Geldersen. Hrgs. von *Nirrnheim* (1895) и корреспонденцию в: *Hildebrand Veckinhusen*. Briefwechsel eines deutschen Kaufmanns im 15. Jahrhundert und Einleitung. S. 26, 28 ff. 44 ff.

Глава 2 Денежное обращение и цены в Новое время

Влияние открытия Америки на хозяйственную жизнь Европы обнаружилось не только в изменении торговых путей и образовании океанской торговли, но и в чрезвычайном увеличении в Европе запаса золота и серебра, привозимого из Америки, что в свою очередь имело крайне важные последствия. Добыча благородных металлов увеличилась с середины XV в. благодаря открытию новых залежей в различных местностях Германии и Австрии. С этого времени добывается в большом количестве серебро в Тироле (Швац), Саксонии (Шенберг, Аниабург), Богемии (Иоахимсталль), золото в Зальцбурге. С конца XV в. появляется золото из Африки (Сенегал и Восточная Африка – Софала). Однако уже с середины XVI в. добыча в Европе и в Африке сокращается, и ее должны были заменить американское серебро и золото. Америка это не только сделала, но и дала Европе металлы в чрезвычайном изобилии, благодаря чему мировая добыча серебра растет с 90 тыс. кг в год в 1581—1544 гг. до 419 тыс. в 1581—1600 гг. Главную добычу серебра доставляли рудники Перу, Мексики и еще более Боливии (Потоши); возрастание добычи составляло в Мексике с 3,4 тыс. кг в год в 1521—1544 гг. до 74,3 тыс. в 1581—1600 гг., в Потоши с 183 тыс. кг в год в 1545—1560 гг. до 254 тыс. в 1581—1600 гг. К концу XV в. весь запас благородных металлов не превышал 7 млн кг (по *Лексису*); в течение же следующего, XVI в., именно в 1493—1601 гг. было добыто, по *Зетберу*, около 23 млн кг серебра и 755 тыс. кг золота, т.е. запас благородных металлов количественно увеличился в 3—3,5 раза. Но в таком же размере он возрос и по ценности: добыча составляла по ценности в конце XVI в. свыше 7,5 млрд марок вместо 2 с небольшим млрд, которым равнялся запас в конце XV в.

Еще более увеличилась добыча золота и серебра в следующие века. В течение XVII и XVIII вв. ценность добытого золота и серебра составляла 26 млрд марок (93 млн кг серебра и около 3 млн кг золота). При этом по ценности уже с середины XVI в. $\frac{3}{4}$, а в XVII в. $\frac{5}{6}$ всей добычи приходилось на долю Америки. Благодаря применению с середины XVI в. процесса амальгамирования в американских рудниках добыча серебра все более возрастала. По *Зетберу*, ежегодная добыча серебра составляла до середины XV в. 27 тыс. кг, во второй половине XV в. 44 тыс. кг, с середины XVI в. 300—400 тыс. кг, наконец, во второй половине XVIII в. она достигла 500—800 тыс. кг, причем на первом плане стояла Мексика. Золото добывалось не только из американских рудников в Мексике, Перу, Чили, Новой Гренаде, но оно приобреталось также путем ограбления храмов, могил и домов во время завоевания Америки и посредством получения огромных выкупов у туземных царьков, например Монтесумы в Мексике, Перуанского инки. Добыча золота была по сравнению с серебром гораздо менее значительна, но и она возрастала, постепенно повышаясь в течение XVI—XVII вв. с 6 тыс. кг ежегодно до 8 и 10 тыс. В XVIII же веке добыча золота сразу сильно повысилась благодаря открытию залежей золота в Бразилии, эксплуатация которых началась уже в конце XVII в., так что в XVIII в. золота добывалось в среднем не менее 19 тыс. кг ежегодно. Европа в области добывания золота имела еще меньше значения, чем в отношении серебра, – только Семиградье (Зибенбюрген), Зальцбург с середины XVIII в. и Урал доставляли золото.

Соотношение между ценностью серебра и золота не многим изменилось в течение XVI в. (1:11—11,8) по сравнению со средневековым периодом; но затем, с начала XVII в., под влиянием гораздо более скорого возрастания добычи серебра, обнаружилась перемена к выгоде золота. Получилось отношение 1:14—15; это отношение (1:14,7-15,2) сохранилось до конца XVIII и начала XIX в. Лишь временно, под влиянием усиленного притока золота в XVIII в., золото подешевело: отношение серебра к золоту составляло в 1701—1710 гг. 1:15,27, а в 1751—1760 гг. 1:14,56. Но гораздо более резко изменилась ценность денег, их покупательная стоимость, выражающаяся в товарных ценах: последние повысились в течение XVI—XVII вв. на

100 – 150%. Уже в течение XVI в. цены на хлеб в различных странах возросли на 150—200%, а в течение следующего века достигли еще более высокого уровня. Но и другие продукты сырья – соль, лес, металлы, как и промышленные изделия, возросли в цене; даже те из них, которые до середины XVI в. не обнаруживали повышательного движения, в течение второй половины этого века повысились, притом во всех странах, на 100 и более процентов.

Большинство современников, которым возрастание цен бросилось в глаза, приписывало это явление самым разнообразным причинам – как естественным, в виде роста населения, неурожаев и войн, так и искусственным – торговым компаниям, скупающим товары, порче монеты, в Англии также огораживаниям. Но Жан Боден в своем труде, вышедшем в 1568 г., установил, что наиболее важную роль из всех моментов играет избыток золота и серебра, который и «является главной и почти единственной причиной возрастания цен», почему Боден и считается основателем учения о ценности денег. Это объяснение постепенно было принято и другими, и Адам Смит мог уже утверждать, что, по-видимому, единственной причиной понижения цены серебра по сравнению с ценой на зерно является открытие американских рудников и что как самый факт падения цены серебра, так и правильность его объяснения общепризнаны. Нельзя отрицать, конечно, того, что, как выяснили *Гельферих*, *Вибе* и др., и спрос на деньги в эту эпоху увеличился вследствие расширения денежных сделок вместо натуральных сделок как частных лиц, так и государства; это произошло под влиянием учреждения наемных войск, наемных чиновников, постоянных податей, а равно благодаря оживлению в торговом обмене. Но все же спрос на деньги возрос далеко не в той степени, как увеличился запас золота и серебра; ведь благородных металлов имелось на 2—2¹/₃ млрд в 1500 г., и свыше 33 млрд было добыто в XVI—XVIII вв. Кроме того, и это весьма существенно, в эту эпоху большая часть всего запаса драгоценных металлов употреблялась, как указывает *Лексис*, на выделку монеты: по его вычислениям, из 7,5 млн марок серебра в конце XVI в. 4,2 млн состояло в монете. Лишь в отдельных странах и местностях и в отдельные десятилетия увеличение цен могло быть вызвано иными причинами – неурожаями, войнами, ростом населения; последнее могло оказывать влияние лишь на предметы массового потребления. Правильность предположения, что основная причина лежит на стороне не товаров, а денег, что причина заключается в превышении предложения денег над спросом, подтверждается следующим. Возрастание цен началось в тех именно странах, где ранее всего получился прилив драгоценных металлов; поэтому подъем цен начался раньше, чем где-либо, в Испании, куда американское серебро непосредственно доставлялось, но рост цен в Испании уже вскоре потерял свою интенсивность, по мере отлива золота и серебра оттуда в другие страны. Напротив, там, где сравнительно поздно появились новые запасы драгоценных металлов, но где благодаря развитию вывозной торговли приток их все более усиливался, как это было в Англии, там и возрастание цен, начавшись гораздо позже, продолжалось в течение двух веков.

Рядом с возрастанием общего уровня цен произошло изменение в соотношении между различными категориями цен, из коих, например, цены на хлеб и другие съестные припасы возросли сильнее, чем цены на сырье, а последние в свою очередь более, чем цены на промышленные изделия. Цены промышленных изделий начали возрастать позже, чем цены всех других товаров, во многих случаях не ранее начала XVII в., да и в течение этого века возросли несравненно менее, чем средний уровень цен вообще, и всегда в гораздо меньшей степени, чем цены сырых материалов, из которых они произведены (сукно менее, чем шерсть, металлические изделия менее, чем руда, и т.д.). Если общий подъем цен объясняется изменением в соотношении между спросом на деньги и производством, то эти частные отличия находятся в связи с различными специальными причинами. Меньший и более поздний рост цен на промышленные изделия по сравнению с увеличением цен сырья обозначал, в сущности, падение цен на фабрикаты, увеличение издержек производства, ибо заметных улучшений в процессе производства в эту эпоху не произошло и во всяком случае улучшения носили частичный характер

и распространялись весьма медленно. Это явление объясняется прежде всего усилением конкуренции в торговле фабрикатами, вызванной улучшением путей сообщения и расширением рынка, и отсутствием соглашений относительно цен между скупщиками в противоположность минимальным таксам цеховых ремесленников в предыдущий период. Для сырья эти моменты (особенно почта не была приспособлена для перевозки громоздких товаров) не могли иметь того же значения, да и вывоз сырья из страны был сильно стеснен.

В эту эпоху возрастает предложение рабочих рук, так как сельские жители, нецеховые привилегированные мастера и т.д. стали участвовать в производстве⁴⁸; это увеличение предложения по сравнению со спросом и установление чрезвычайной зависимости рабочих от предпринимателей вызвали изменение в соотношении между товарными ценами и денежной заработной платой к невыгоде последней. Хотя и денежная плата возросла, но везде гораздо меньше, чем общий уровень цен: она увеличилась на 100% при повышении цен на 150%. Реальная плата, следовательно, упала: она понизилась уже в начале XVI в. и составляла к концу XVII в. не более половины того, что рабочие получали в 1500 г.

Прилив американского золота и серебра в Европу вызвал усиленную чеканку монеты, в особенности серебряной. Потеряв немного свое значение к концу Средневековья вследствие появления золотых дукатов, флоринов или гульденов, серебряная монета теперь, с усиленным притоком американского серебра⁴⁹, снова стала господствующей монетой. Амстердамский и Гамбургский банки установили в качестве валюты только серебро⁵⁰. В XVIII в., однако, с приливом бразильского золота усилилась и чеканка золотых монет, и золото стало играть значительную роль в обращении; в Англии совершился даже переход к золотой валюте. Только в Пруссии еще в начале XVIII в. не чеканили золота, а пользовались французской и голландской золотой монетой⁵¹.

Тем не менее даже в XVIII в. настоящими деньгами считались только серебряные; «серебро полезнее и употребительнее в торговле, чем золото». Лондонская торговая палата заявляла в 1699 г., что по общему согласию, во всем мире в качестве орудия обмена установлено серебро и что немислимо, чтобы эту функцию выполняли два металла. Локк указывал на то, что золото не может быть общим мериллом ценности, ибо отношение между ценностью золота и серебра не является постоянным. Поэтому хотя золото и следует чеканить, но мериллом ценности является серебро; золото же есть такой же товар, как свинец. Хотя деньги чеканятся, говорит Дюто, как из золота, так и из серебра и меди, но все же серебро пользуется тем преимуществом, что им определяется цена золота и цена меди и что оно считается тем масштабом, которым измеряются другие предметы⁵².

Количество обращающихся видов монеты значительно увеличилось вследствие появления крупных монет, ранее не существовавших. Чеканенный с XIII в. золотой флорин или экю (дукат, гульден) уже с конца XV в., когда сильно возросла добыча серебряных рудников в Тироле, Богемии и других местностях Германии, стали изображать в виде серебряной монеты. Последняя была гораздо больше существовавших ранее грошенов: она весила два лота; с 1484 г. она чеканится эрцгерцогом австрийским Сигизмундом. В отличие от грошенов новая крупная серебряная монета, так как она по ценности должна была соответствовать гуль-

⁴⁸ См. выше.

⁴⁹ См. выше.

⁵⁰ См.: Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. С. 363.

⁵¹ В Пруссии до 1726 г. было запрещено уплачивать подати в золотой монете; в 1730 г. берлинским центральным кассам было предоставлено иметь запас золота в 50 тыс. рейхсталеров, но не более. Чеканенные в начале XVIII в. золотые дукаты предназначались не для обращения в стране, а для любителей, которым монетчики их сбывали; Фридрих-Вильгельм пользовался ими для подарков и наград, почему и приказывал чеканить собственную золотую монету, не желая прибегать в этих случаях к французской или голландской (*Das preussische Münzwesen im 18. Jahrhundert*. Bd. I. S. 178 ff., 237 ff. Bd. II. S. 38 ff.).

⁵² Kalkmann. *Englands Übergang zur Goldwährung*. S. 12 ff.

дену, называлась гульденгрошен; ввиду того что она чеканилась преимущественно из серебра, добываемого из Иохимстальского рудника в Богемии, она получила название иохимсталер (иохимстальский грошен), а позже, в особенности когда ее стали чеканить и в других местах, просто талер (начало слова отброшено).

Талер, который теперь делится на крейцеры (уже раньше в прирейнских местностях гульден распадался на 60 крейцеров по 4 пфеннига), становится новым типом монеты. Он чеканится уже в конце XV в. в Лотарингии, Венгрии, в начале XVI в. в различных швейцарских кантонах (Берне, Цюрихе, Люцерне, Золотурне), германских территориях (Бранденбурге, Вюртемберге, Гессене, Мекленбурге), позже выпускают талеры Льеж, Камбре, Любек, аббатство Верден. С 20-х и 30-х гг. XVI в. талеры появляются в Швеции и Дании (в последней позже, под именем «*sofona damsa*»), одновременно – при Карле V и Филиппе II – в Нидерландах (*daalder* – т.е. «талер»). Затем их чеканят Генеральные штаты, в особенности под именем львиных талеров (*leeuwendaalders*), которые охотно принимались в левантийских странах, а также бургундских талеров (с 1612 г. в Брюсселе, Антверпене). Во Франции с 1641 г. чеканится тот же талер под названием «луи д'аржан» (т.е. Людовик из серебра) в 60 су (или *écu blanc*) Англии талеру соответствует появляющаяся с 1552 г. крона. В Испании находим талер уже со временем появления американского серебра, т.е. с начала XVI в., в виде реала или «*peso duro*», пиастра (т.е. большая монета); он чеканится и в колониях (Мексике, Лиме, Потози), где добывалось серебро. От голландского «*daalder*» (талер) происходит и американский доллар.

Исходную точку, впрочем, и здесь (как и в прежних средневековых монетах), быть может, составляют итальянские города, ибо еще до появления тиролевских гульденгрошенов Венеция в 1472 г. при доже Николае Троне стала чеканить «лиру трон» – крупную серебряную монету ценностью в венецианский фунт, изображающую дожа, льва Св. Марка и лавровый венок, а за ней последовал два года спустя миланский герцог Малеацо со своей серебряной лирой, именуемой *гроссоне* (крупная) или *тестоне* (ибо изображен был герцог в локонах: *testoner* – причесывать); *тестоне* стали чеканить и в германских территориях, в Нидерландах, во Франции (в конце XV и в начале XVI в.). С другой стороны, талеру соответствовали серебряные неаполитанские *скудо* (1525 г.), миланские *дукатоны* (в 100 солидов), венецианские (серебряные) *дукаты* (1562 г.); в других северо-итальянских княжествах и в Савойе они даже именовались *talleri* и чеканились по немецкому образцу (австрийскому). Дольше всего прожили австрийские Мария Терезия-талеры, которые являлись любимой монетой в странах мусульманского Востока (отсюда их название «левантийские талеры»), почему чеканку их воспроизводили Венеция и Фридрих Великий и они с изображением Марии Терезии чеканились в Вене в том же виде для Востока вплоть до 1914 г. Однородный характер имели талари, чеканенные в Париже для Абиссинии в конце XIX в.

В течение XVII в., с возрастанием добычи золота, наряду с дукатами, которые чеканятся в Венгрии, Нидерландах и по-прежнему в Венеции и широко распространены во всей Западной и Восточной Европе и Азии, появилась и крупная золотая монета, значительно большая, чем гульден, в виде пистолы, которую, по-видимому, ранее всего стали чеканить в Испании; под этим наименованием (в Германии, Швейцарии) или под другими названиями она вскоре также стала общим типом золотой монеты в Европе. Так, пистолы равняется *луидор* (он иногда именуется *пистолей*), который чеканится с середины XVII в. во Франции, причем на монете было поясное изображение короля – отсюда самое название (*луидоры* начала XVIII в. под названием «*mirlitons*», т.е. свирели, от изображения двух переплетающихся «L» среди пальмовых ветвей; *луидоры* 1726—1791 г. – «*au lunettes*» – два щита, Франция и Наварра, рядом). Ту же монету представляет собой в Пруссии *фридрихдор*; двойным пистолам (*дублонам*) соответствуют *вильгельмсдоры*, в Баварии – *максдоры* (при Максe II – 1715 г. и сл.) и *каролины* (при Карле VII); в Португалии крупная золотая монета из бразильского золота – *крузада* (крест), в Англии – из африканского золота – *гинея* (от Гвинеи).

Наряду с крупными золотыми и серебряными монетами появляется и медная монета⁵³. Она заменила прежнюю монету, с виду серебряную, в действительности же на $\frac{3}{4}$ состоявшую из меди и лишь сверху покрытую серебром. Медная монета существовала в Нидерландах уже в XV в. («myte» от *minuta*, т.е. мелкая); с XVI в. она чеканится в итальянских городах и территориях (неаполитанские *cavalli*, венецианские *bagattini*, папские *quattrini*) и во Франции; в XVII в. – и в Англии, а также в Швеции и Московском государстве.

При этом медная монета и в Испании, и в Швеции, и в России при Алексее Михайловиче и Петре Великом чеканилась в чрезмерном количестве и по номинальной цене, значительно превышавшей ценность содержавшегося в ней количества меди, – в целях увеличения доходов казны; в Швеции выпуск медной монеты в 1715—1719 гг. доставлял казне 3—5 млн талеров в год. Повсюду это вызывало вздорожание товаров, торговый кризис, волнения. В Испании с 1602 г. появилась чисто медная монета (*moneda gruesa*) в огромном количестве, неоднократно извлекаемая из обращения и вновь выпускаемая с изменением ценности и чекана. Во Франции новая монета (*deniers* и *doubles deniers*, *tournois* и *ogmeliards*) появляется в 1575 г. как результат продолжительного развития, выражавшегося в постепенном сокращении серебра в серебряной монете до тех пор, пока от серебра уже ничего не осталось (в 1719 г. медные су – от солида⁵⁴, в 12 денье). Подобным же образом и в Германии начала XVII в. появилась монета, которая, в сущности, являлась медной, ибо только сверху она была немного покрыта серебром; а затем и последние остатки серебра исчезли, и она стала чисто медной. Начало было положено, по-видимому, под влиянием Нидерландов, ближайшими к последним территориями – Клеве, Аахеном, Люнебургом, затем брауншвейгскими герцогами; их примеру последовали саксонские, прирейнские области, Силезия, Богемия, Австрия. Города, которые когда-то чеканили монету, на этом основании теперь приступали к чеканке. На первом месте стояли, однако, княжества, которые обладали серебряными рудниками, как, например, Брауншвейг и еще более Австрия (в 1620—1621 гг.), где право чеканки было передано специальному консорциуму с участием герцогов, князей, графов, выпускавшему огромное количество малоценной монеты. Несмотря на то что вызванные этим в Вене волнения удалось прекратить лишь с большим трудом, права консорциума были все же продолжены. Но дело кончилось крахом, пришлось частью монету изъять из обращения, частью понизить ее номинальную цену. Монета в 75 крейцеров была понижена до 10 крейцеров, монета в 48 крейцеров – до 6 крейцеров. От всех такого рода операций несли убытки и сами курфюрсты (Саксонский в 1622—1623 гг. на 1 млн талеров, Вюртембергский на 250 тыс. талеров), и города, и деревни, и частные лица на протяжении всей страны. Крестьяне отказывались везти в город съестные припасы в обмен на низкопробную монету, производили бунты, нападения на монетчиков, которых приходилось снабдить огнестрельным оружием. И все это ничему не помогало. И по окончании Тридцатилетней войны те же операции возобновились, и, несмотря на соглашения, устанавливаемые курфюрстами, выпуск «возмутительной билонной»⁵⁵ монеты» продолжался по-прежнему⁵⁶.

В Англии ввиду недостатка в мелкой серебряной монете уже в XVI в. появляются полупенсы и фартинги ($\frac{1}{4}$ пенса) из свинца, меди, олова, бронзы и даже из кожи, которые выпускаются частными лицами – некоторыми торговцами, кабатчиками, пекарями. По словам современника, в 1609 г. в одном только Лондоне имелось 3 тыс. человек, выпускавших в общей

⁵³ В Средние века медная монета составляла редкое исключение. Мы находим ее в X—XI вв. в Неаполе, в Сицилии (при норманнах, с арабскими надписями), временно в Венгрии; в XIV в. в Дании денарии превратились в чисто медную монету (*denari cuprii danici*); в первую половину XV в. в Португалии чеканились медные «центили» (от г. Цейта). См.: *Buchanan*. *Grundriss der Münzkunde*. Bd. II. 1920. S. 88—89.

⁵⁴ См. выше.

⁵⁵ То есть неполновесной. См. прим. ред. на с. 256. – *Прим. ред.*

⁵⁶ *Friedensburg*. *Deutsche Münzgeschichte* // *Meisters Grundriss der Geschichtswissenschaft*. 1912. S. 120 ff. Menadier. *Eine Münzgeschichte der europäischen Staaten*. // *Schausammlungen des Münzkabinetts im Kaiser-Friedrich-Museum*. 1919.

сложности на 15 тыс. фунтов стерлингов таких «tokens», т.е. знаков, как их презрительно называли. Они обращались среди публики, в особенности среди покупателей этих торговцев, которые нередко вынуждены были, в силу зависимости от торговца, брать их; многие из них терялись, отчего торговец имел прямую выгоду; если же он умирал или банкротился, то эти знаки теряли всякую ценность, никто их не менял на серебро. В 1613 г. был запрещен выпуск tokens и исключительное вправо чеканки их предоставлено лорду Гарингтону, позже передано другим лордам и кузине Карла I. Они чеканились теперь исключительно из меди и должны были иметь определенный штемпель; было создано специальное учреждение для размена их на серебро или золото, но прием их был по-прежнему факультативный. С 1670-х гг. положение tokens снова изменилось; хотя и теперь отдельные лица получали патент на выпуск их, но чеканиться они должны были (по-прежнему из меди) на казенном монетном дворе и только в определенном количестве. Прием их был теперь обязателен, но лишь при платежах не свыше 6 пенсов. Но подделка их была весьма распространена, и поэтому их неохотно брали (подделанная медная монета именовалась обыкновенно бирмингемской монетой, ибо в этом городе подделка особенно процветала). Вскоре частные лица, как и городские корпорации, стали снова выпускать медную монету для местного обращения. Путаница была весьма велика вплоть до конца XVIII в., когда (1797 г.) государство окончательно взяло в свои руки выпуск медной монеты (в 2 пенса, 1 пенс, $\frac{1}{2}$ пенса и $\frac{1}{4}$ пенса)⁵⁷.

Медная монета должна была выполнять ту функцию, которую впоследствии выполняли бумажные деньги; но и последние уже находим в XVIII в. В особенности Джон Ло во Франции имел в виду заменить монету бумажными деньгами, утверждая, что только государю необходима звонкая монета, для подданных же достаточно иметь кредитные билеты. Выпуск последних в связи с другими спекуляциями Ло повлек за собой кризис⁵⁸.

Если не считать новых видов монет, появляющихся в рассматриваемую эпоху, то, вообще говоря, условия денежного обращения по сравнению с предыдущим периодом изменились весьма мало. Господствовал тот же валютный хаос, что и в Средние века, который, однако, ввиду значительного расширения товарообмена и развития денежного хозяйства, должен был приводить к еще худшим последствиям. Кризисы и волнения, вызываемые монетной неурядицей, не могли не отражаться на торговле и на накоплении капитала.

Особенно печально было положение денежного обращения в Германии; в то время как и Англия и Франция⁵⁹ в эту эпоху уже составляли одно целое в монетном отношении (с 1707 г. английская монета распространяется и на Шотландию)⁶⁰, в Германии каждый из многочисленных территориальных государей чеканил свою монету. Некоторые из них, в особенности мелкие владетельные князья, систематически выпускали одну лишь плохую монету (они именовались *Heckenmünzer*). Другие, как, например, курфюрсты Бранденбургские, которые вели против этого сильную борьбу, отличались от них лишь тем, что чеканили рядом с такой неполновесной монетой и другие сорта, полновесные. Последние, однако, извлекались из обмена посредством вывоза за границу или же переплавлялись. При этом в Германии и Австрии обращалось и большое количество иностранных монет⁶¹. Неоднократно издава-

---

⁵⁷ Schmidt. Geschichte des englischen Geldwesens im 17. und 18. Jahrhundert. S. 127—139.

⁵⁸ См. выше.

⁵⁹ Во Франции в начале XVII в. находим лишь остатки прежней чеканенной баронами монеты (монеты княжеств Домб и Оранж и папскую в Авиньоне).

⁶⁰ Впрочем, и в Англии обращалось много иностранной монеты, в особенности испанские пистолы и французские луидоры; устанавливая прием этих монет казначействами по определенному курсу, английское правительство создавало им равную с собственной монетой обращаемость в стране и этим усиливало беспорядок в денежном обращении.

⁶¹ Так, эдикт 1559 г., запрещая все остальные иностранные монеты, допускает обращение дукатов всякого рода испанских, кастильских, арагонских, неаполитанских, миланских, генуэзских, португальских, аугсбургских, зальцбургских, польских, гамбургских и многих других, двойных дукатов (сицилийских, арагонских, французских и др.) и крон (бургундских, нидерландских, французских, кастильских, миланских и др.).

лись запрещения пользования такой «дурной иностранной фальшивой монетой», исключение делалось лишь для некоторых видов монет; но список исключений был весьма длинен. Так, эдикт 1559 г., запрещая все остальные иностранные монеты, допускает обращение дукатов всякого рода (испанских, кастильских, арагонских, неаполитанских, миланских, генуэзских, португальских, аугсбургских, зальцбургских, польских, гамбургских и многих других), двойных дукатов (сицилийских, арагонских, французских и др.) и крон (бургундских, нидерландских, французских, кастильских, миланских и др.). Можно себе представить, сколько в действительности обращалось сортов иностранной монеты⁶².

В Германии в особенности известна в этом отношении эпоха Тридцатилетней войны, так называемая *Kirper- und Wipperzeit* (*kippen* – значит обрезать; *wippen* – взвешивать). «Врачи, – говорит современник, – покидают больных и думают гораздо больше о наживе, чем о Гиппократе и Галене, юристы покидают дела и стараются нажиться, предоставляя другим читать Бартола и Балда, купцы занимаются товаром, который создается штемпелем».

Однако не только в Германии, но и в других государствах встречаем довольно печальные явления в области монеты. Так, например, во Франции к 1 января 1700 г. экю равнялся 71 су, а луидор – 13⁶³ ливрам 15 су; но затем они были понижены – экю до 65 су, луидор до 12 ливров, а в следующем году обращение этих монет было запрещено, и когда они вернулись в правительственные кассы, то были перечеканены и выпущены – экю в 76 су, луидор в 14 ливров, так что государство, уплачивая войску, чиновникам, поставщикам и т.д., располагало теперь номинально большим количеством денег, чем прежде⁶⁴. Вообще во Франции вплоть до середины XVIII в. по-прежнему продолжают фискальные операции в виде попеременного повышения и понижения ценности монеты; особенно широко они практикуются при Людовике XIV. При нем каждые 3—6 лет население вынуждено было отдавать в казну свою монету, ибо она объявлялась недействительной, и получать взамен ее почти ту же самую, но в меньшем количестве. Если отбросить постоянные колебания в ценности монеты и взять крупные периоды, то получается картина непрерывного падения ценности монеты. Из марки серебра чеканилось в конце XV в. 10 ливров (турн.), в начале XVI в. уже 12,5, к концу XVI в. 17, сто лет спустя свыше 29, в начале XVIII в. целых 43, а в 1720 г. 98 ливров.

Извлечение казной дохода из монетной регалии признавалось и в эту эпоху писателями-меркантилистами вполне правильным. Но значительная разница между номинальной ценой монеты и содержанием в ней благородного металла вызывалась не только фискальными соображениями, но и неудовлетворительностью чеканки. Правда, с XVI в. в Англии, с XVII в. во Франции, в XVIII в. в Дании, Швеции, Пруссии, Австрии уже делается выпуклый ободок на монете; однако еще и в XVIII в. различали два вида дукатов – с ободками и без них – и нередко выговаривали себе уплату в первых. Более частое обрезывание кёнигсбергских и голландских дукатов по сравнению с чеканенными в Берлине, по-видимому, объясняется отсутствием ободка у них. Что касается способа чеканки, то разрезанные на части слитки по-прежнему обрабатывались молотом. Кроме того, после чеканки не взвешивалась каждая монета в отдельности; в видах сбережения времени стремились лишь к тому, чтобы известное количество монет весило марку серебра. Вследствие этого отдельные монеты имели различный вес, что облегчало обрезывание более полновесных. Поскольку же взвешивалась каждая монета, ремедиум (т.е. отступление от установленного веса) был запрещен, и слишком легкая или тяжелая монета должна была исправляться путем соответствующего плюса или минуса в следующей. Но вследствие этого отступления от установленного веса значительно увеличились⁶⁵.

⁶² Das preussisches Münzwesen im 18. Jahrhundert. S. 44 ff., 78 ff., а также *Salz. Geschichte der böhmischen Industrie in der Neuzeit*. Anhang. S. 487 ff.

⁶³ [В 7-м изд. «13», в 8-м – «12».]

⁶⁴ *Landry. Essai économique sur les mutations des monnaies dans l'ancienne France*. 1910.

⁶⁵ См.: Das preussisches Münzwesen im 18. Jahrhundert. Bd. I. P. 7—18.

Лишь в течение XVII—XVIII в. стали распространяться более усовершенствованные механические инструменты чеканки, приводимые в движение силой воды или лошадей, удешевлявшие ее стоимость и доставлявшие монету вполне круглую и одинаковой толщины. Однако распространение их сильно задерживалось вследствие борьбы против них со стороны монетчиков (в Нидерландах, в Австрии) и вследствие сомнения в пригодности этих аппаратов.

Только в Англии с 1663 г. монета производилась исключительно машинным способом, затем проверялся ее вес, и монета чеканилась рычажным прессом. Но и там, рядом с этой прекрасной монетой, как говорили современники, равной которой действительно тогда еще нигде не было, продолжала обращаться по-прежнему в течение почти 70 лет (с 1732 г. она была совершенно извлечена из обращения) и более старая монета, изготовленная прежним способом. Вследствие этого и в Англии происходили монетные кризисы еще в XVII и в начале XVIII в. А между тем там правительство не только в отличие от других стран не извлекало никаких доходов из монетной регалии, но даже самые расходы по чеканке (с 1666 г.) приняло всецело на счет казны (чего в других государствах и до сих пор не существует), так что номинальная ценность монеты и действительное содержание в ней металла совершенно совпадали. Но монетные кризисы происходили вследствие того, что монета, произведенная старым способом, вытесняла новую монету, выделанную машиной, старая же монета, не будучи круглой и одинаковой по толщине, легко обрезывалась и лучшие экземпляры ее извлекались из обращения. В результате в обращении оставалась только испорченная и обрезанная монета, потерявшая в среднем 40—50% своей номинальной ценности, а в отдельных случаях составлявшая всего $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{6}$ ее. В 1696 г. это привело к тому, что «даже коммерсанты теряли голову, а фермеру приходилось иметь дело, с одной стороны, с людьми, которые платили деньги по номинальной ценности, а с другой – с людьми, которые соглашались брать их лишь по весу» (т.е. приблизительно по половине их номинальной ценности).

Маколей следующим образом описывает состояние денежного обращения в Англии в 1690 г. «Лошадь в Тауэре, – говорит *Маколей*, – по-прежнему ходила кругом, приводя в движение машину; возы, нагруженные монетой, непрерывно выезжали с монетного двора; но груз их столь же быстро исчезал, как появлялся на свет. Много новой монеты переплавлялось в слитки, много вывозилось за границу, много сохранялось в сундуках; но очень мало монет этого рода имелось в кассе лавочника или в кожаном мешке, который вез фермер, возвращаясь со скотного рынка». В поступлениях казначейства изготовленная машиной монета составляла не более 10 шиллингов на 100 фунтов стерлингов. Рассказывают об одном купце, который из 35 фунтов получил всего полкроны (2,5 шиллингов, т.е. менее $\frac{1}{2}\%$) такой монеты.

«Между тем ножницы обрезывателей остававшейся в обращении монеты (т.е. монеты, изготовленной старым способом – молотом) действовали по-прежнему. Со страшной быстротой возрастало и количество подделывателей, делавших прекрасные дела, ибо чем хуже была монета, тем легче было подделать ее. Смертная казнь грозила и тем и другим, и на каждом шагу встречаем сообщения о казнях; но все это не помогало, ибо когда при обрезывании монеты получалась прибыль в 20% и ежегодный доход в 6 тыс. фунтов стерлингов, то такой барыш, по словам современника, был достаточен для того, чтобы устранить всякие угрызения совести. Население же вовсе не считало такого рода действия преступлением, а скорее смотрело на них как на грехи школьника, собирающего орехи в соседнем лесу. И даже тогда, когда монета стала страшным бичом для населения, человек, подвергаемый смертной казни за то, что он содействовал превращению ее в такое состояние, был предметом общего сожаления. Полиция неохотно задерживала преступника, судьи неохотно отправляли его в тюрьму, свидетели неохотно рассказывали всю правду, присяжные неохотно произносили «виновен». Напрасно объясняли народу, что обрезыватели монеты приносят больше зла, чем разбойники и опасней-

шие враги, – ничто не помогало: получался всеобщий заговор, препятствовавший осуществлению правосудия».

В результате, когда в 1695 г. были произведены опыты со взвешиванием монет, оказалось, что внесенные в казначейство 57 200 фунтов обработанного молотом серебра весили вместо 220 тыс. унций всего 114 тыс. унций, т.е. половину; 100 фунтов стерлингов, которые должны были содержать около 400 унций, имели в действительности в Бристоле 240 унций, в Кембридже 203, в Эксетере 180, а в Оксфорде всего 116 унций. Особенно усилилось падение веса серебряной монеты в 1690-х годах. «Зло, принесенное таким состоянием монеты, не принадлежит к числу тех предметов, которым в истории отводится почетное место. Тем не менее едва ли можно сравнивать все те несчастья, которые в течение четверти века нанесены были народу дурными министрами, дурными парламентами и дурными судьями, с теми, которые производили дурные кроны и дурные шиллинги. Правление Карла и Якова, как ни тяжелы они были для народа, никогда не препятствовали мирному ходу повседневной жизни. В то самое время, когда честь и независимость государства продавались другой державе, когда права попирались ногами, а основные законы страны нарушались, сотни тысяч прилежных семейств работали, садились за стол и ложились спать спокойно и в безопасности, скотовод гнал своих быков на рынок, торговец взвешивал свои товары, суконщик отмерял сукно, покупатели и продавцы вели себя в городах особенно шумно, а праздник жатвы в деревнях справлялся еще веселее, чем прежде. Когда же великое орудие обращения пришло в полный беспорядок, в торговле и промышленности начался застой. Зло чувствовалось ежедневно и ежечасно повсюду и всеми классами населения, на мызе и в риге, у наковальни и у ткацкого станка, на волнах океана и в недрах земли. Ничего нельзя было купить без того, чтобы не происходили недоразумения. У каждого прилавка ссорились с утра до вечера. Между рабочим и работодателем регулярно каждую субботу происходили столкновения. На ярмарке и на рынке непрерывно шумели, кричали, ругались, проклинали друг друга, и было особенным счастьем, если дело кончалось без сломанных ларей и без убийства».

Единственным исходом являлась монетная реформа, которая, к счастью, попала в руки четырех замечательных людей: двое из них, Сомерс и Монтегю, являлись «государственными людьми, которые во время занятий делами никогда не переставали любить и уважать науку», а двое других, Локк и Ньютон, были «философами, у которых углубление в царство мыслей не повредило простого здравого смысла, без которого даже гений в области политики причинит вред». Первоначально предполагалось определить день, с которого монета принималась бы лишь по действительному весу, – это устранило бы всякое дальнейшее обрезывание, вызвало бы на свет хорошую монету, а затем постепенно вся монета перечекивалась бы на монетном дворе, и за все это время никогда не обнаружилось бы недостатка денег в стране. Но было одно лишь препятствие – все население получило бы выгоды от реформы, но лишь часть его несла бы бремя ее. «Конечно, было необходимо, чтобы слова «фунт» и «шиллинг» снова получили определенный смысл, чтобы каждый знал содержание заключенных им договоров и ценность своего имущества; но было ли бы справедливо достигать этой цели средствами, последствием которых являлось бы то, что каждый фермер, скопивший 100 фунтов для уплаты аренды, каждый торговец, собравший 100 фунтов для платежа по векселям, внезапно из своих 100 фунтов терял бы 40 или 50. Ни фермер, ни торговец не были виноваты в том, что их кроны и полукроны неполновесны; вина падала на правительство, оно и должно было исправить это зло. Было бы столь же разумно требовать от торговцев лесом, чтобы они несли все расходы по снабжению флота в Ла-Манше, или от оружейников, чтобы они снабжали войска, находящиеся во Фландрии, на свой счет оружием, как восстановить ценность монеты на счет тех индивидов, в руках которых обрезанное серебро случайно находилось в определенный день».

По этим соображениям парламент принял решение, согласно которому металлическая монета должна быть перечеканена на основании прежних постановлений о содержании в ней

серебра, с тем чтобы убыток, происходящий от неполновесной монеты, несли казна; населению же дается возможность в течение определенного срока доставлять в казначейство испорченную монету, которая принимается последним по номинальной цене, так что случайные владельцы ее ничего не теряют. В течение некоторого времени господствовал сильный недостаток в деньгах, ибо население старалось возможно скорее сбыть испорченную монету в казначейство, а новая чеканилась и выпускалась весьма медленно. Только с назначением Ньютона директором монетного двора чеканка значительно ускорилась; он учредил новые монетные дворы, и население повсюду встречало рабочих и машины для выделки монет пушечными выстрелами, колокольным звоном и иллюминацией, – настолько велика была нужда в монете, несмотря на то что банковыми билетами, векселями и т.д. в значительной мере старались заменить ее. Лишь постепенно каналы обращения наполнялись звонкой монетой. Казне эта операция обошлась в 2,7 млн фунтов стерлингов, т.е. превысила годовые обыкновенные доходы государства (2 млн).

Однако впоследствии, в XVIII в., снова обнаружилось значительное уменьшение в весе серебряных монет (в середине XVIII в. они потеряли около $\frac{1}{4}$ своей номинальной ценности), затем и золотых. Правда, уже с 1698 г. существовал ремедиум на серебряные монеты, но он выражался лишь в том, что не принимались казначействами монеты, потерявшие более того, что составляет «необходимое изнашивание» (*reasonable wearing*), понятие же последнего не было определено. Лишь в 1773 г. этот закон был распространен и на золотые монеты, причем казначейство точно определило минимум веса, который должны иметь предъявляемые монеты. А год спустя все старые золотые монеты были перечеканены, что обошлось казне снова в 520 тыс. фунтов стерлингов⁶⁶.

В Германии находим весьма первобытную монетную систему. До 1750 г. здесь не только определялось, должна ли производиться уплата в золоте или серебре, но и прибавлялось, в какой именно золотой или серебряной монете; между отдельными видами монеты, хотя бы чеканенной из того же металла, не было установлено, следовательно, законного отношения, а последнее постоянно менялось; они не были приведены в систему и при платежах не могли заменять друг друга. Это состояние *Гельферих* называет *Sortengeld*.

Так, например, хотя официальное содержание благородного металла в рейхсталере (*Reichsspeziestaler*) в течение двух веков, с 1566 до 1748 г., не изменялось, но на практике соотношение между ним и другими серебряными монетами подвергалось постоянным изменениям: за талер давали то 72, то 74 крейцера, или 24 грошена (в XVI в.), то 90 крейцеров, или 24 грошенов (в 1623 г.), то 105 крейцеров, или 28 грошенов (договор 1667 г. в Цинне между Бранденбургом, Саксонией и Брауншвейгом), наконец, 120 крейцеров, или 32 грошена (по Лейпцигскому соглашению 1690 г.). Эти изменения происходили вследствие того, что содержание серебра в крейцерах и грошенах постепенно уменьшалось, тогда как талер не подвергался порче; при таких условиях, очевидно, заменять при платежах одну монету другой без особой оговорки не представлялось возможным.

Точно так же отношение между золотыми монетами – гульденом и дукатом – постоянно колебалось. Хотя в 1559 г. имперским постановлением оно было определено в виде 100 дукатов равны $136\frac{2}{3}$ золотого гульдена, и до 1737 г. содержание золота в них не было изменено законом (из марки золота – 93 гульденов и 68 дукатов), все же 100 дукатов приравнивали в различные годы к 136, 120, 140, 135, 128, 165 гульденам; по Лейпцигскому соглашению, 100 дукатов равнялись 133,5 гульденам.

Лишь постепенно в Германии совершился переход к параллельной валюте; именно, по мере того как прежнее многообразие монет упростилось, серебряные монеты, с одной стороны,

⁶⁶ См. указ. соч. Дана Хортон, Ливерпуля, Шмидта.

и золотые, с другой стороны, образовали систему, и из всех различий между монетами сохранилось лишь одно – различие в металле, на которое приходилось обращать внимание ввиду колебаний в соотношении между ценностью золота и серебра.

Правда, Фридрих Великий в 1750 г. сделал попытку перейти сразу к двойственной монетной системе, установив законное отношение между золотыми и серебряными монетами. Однако в том же эдикте определено, что все обязательства, заключенные на золотую монету, ликвидируются золотыми фридрихсдорами, а заключенные на серебряную монету – серебряной. Должник, следовательно, лишается права выбора по своему усмотрению металла, в котором он желает платить; между тем такая свобода выбора составляет существенную черту двойственной системы. И в дальнейшем законодательстве строго выдержан принцип заменимости одних видов монет другими, чеканенными из того же металла; напротив, лаж на золотые монеты при обмене на серебряные (и наоборот) допускается, т.е. устанавливается параллельная валюта⁶⁷.

Напротив, высоко стояла монетная система в Англии; здесь уже с конца XVII в. фактически установилась золотая валюта. Чеканилась как золотая, так и серебряная монета, и формально существовала параллельная валюта, но серебряная монета, как мы видели выше, была очень низкого качества, и ценность золотой монеты (гинеи – от Гвинеи, откуда золото доставлялось) по сравнению с ней все больше возрастала, достигнув в 1695 г. 30 шиллингов, – по этому курсу ее принимали не только частные лица, но и государственные кассы. Хотя впоследствии курс гинеи был понижен до 21,5 шиллинга, но и теперь гиней оценивалась гораздо выше, чем это соответствовало отношению между обоими металлами, и выше (на 1 шиллинг), чем в других странах. Вследствие этого было весьма выгодно закупать золото за границей по гораздо более низкой цене и привозить в Англию для чеканки; то золото, которое теперь в большом количестве доставлялось из Америки, шло главным образом в Англию; здесь в 1695—1717 гг. было чеканено гинеи на 10,5 млн фунтов стерлингов, и Англия была к началу XVIII в. «overstocked» (переполнена) золотом, ибо серебро, которое на континенте гораздо выше ценилось, чем в Англии, переплавлялось в слитки и уходило туда: в 1710—1717 гг. было вывезено серебра на 18 млн фунтов стерлингов. В 1717 г. курс гинеи был снова понижен до 21 шиллинга, и прием их был признан обязательным, так что установлен был биметаллизм; но в действительности, ввиду отсутствия серебра (в 1714—1773 гг. золота чеканено в 60 раз больше, чем серебра, и с середины XVIII в. чеканка серебряной монеты фактически совсем прекратилась), установилась золотая валюта. Она была признана государством в 1774 г., когда серебро было превращено в билонную монету; прием последней признавался обязательным лишь в сумме 25 фунтов стерлингов, при большей сумме лишь по весу⁶⁸.

---

⁶⁷ Helfferich. Die geschichtliche Entwicklung der Münzsysteme // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1895. Bd. IX. S. 891 ff.

⁶⁸ О переходе Англии к золотой валюте см.: Liverpool. A treatise on the coins of the realm. P. 78—95. Kalkmann. Englands Übergang zur Goldwährung. Passim. Schmidt. Geschichte des englischen Geldwesens im 17. und 18. Jahrhunderte. S. 64—81, 85—98, 106—111, 117—119. Lexis. Geldwährung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl. Bd. III. S. 558—559.

Глава 3 Кредит и банки в Новое время

Неудовлетворительность условий денежного обращения вызывало и в рассматриваемую эпоху среди купцов желание обходиться по возможности без монеты⁶⁹. Этой цели служила ликвидация счетов посредством сличения торговых книг (*fare in riscontre*) с уплатой разницы векселями, а не монетой. Операция эта широко производилась в XVI в. и на лионской ярмарке, и на кастильских и генуэзских ярмарках – они этому главным образом и служили. Но купцы пошли и дальше: они установили для своих расчетов условную, общую для всех и независимую от вида и качества разных монет денежную единицу (*scudo di marche, écu de marc*), по которой расценивались различные монеты и на которую производились расчеты и платежи. Такая идеальная, неизменяющаяся денежная единица, «банковская монета», как она называлась, существовала на ярмарках XVI—XVII вв. Установление ее в виде постоянного средства, позволяющего обходиться без чеканенной монеты, было, по-видимому, главной целью основания тех публичных банков, которые возникают в XVI—XVII вв. По примеру учрежденного еще в начале XV в. Генуэзского банка (и Барселонского) в следующие века, в особенности в XVII в., возникает ряд публичных (государственных) банков: Венецианский (*Banco del Giro* в 1619 г.), Амстердамский (*Amsterdamsche Wisselbanck* в 1600 г.), Гамбургский (*Wechsel-Banco* в 1619 г.), Английский (в 1694 г.). Характерную черту этих банков составляет принуждение местного купечества производить платежи друг другу личными приказами банку – непременно через посредство банка. Они помещают в банке свои платежные средства – вклады, причем наилучшая монета, как это было в Венеции, или известное количество чистого драгоценного металла, как в Гамбурге, Амстердаме, составляет банковскую монету. В Гамбургском банке такой характер имела «*Mark Banco*» в $\frac{1}{3}$ полновесного рейхсталера, позже – только слитки серебра; в Амстердамском – «банковский флорин» в 211,91 аса чистого серебра. Принимая от своих вкладчиков всякого рода монету, банк, однако, открывал им кредит лишь соответственно тому, сколько банковской монеты в себе содержали эти деньги.

Венецианские банкиры⁷⁰ продолжали и в XVI в. заниматься товарной торговлей с Востоком и Западом; в то же время они снабжали своих клиентов кредитом, значительно превышавшим их вклады. Издаваемые запрещения такого рода операций по-прежнему столь же мало приводили к цели, как и установленный над банкирами правительственный контроль. Результатом такой «неликвидности» банкиров являлись и теперь частые банкротства, которые еще усилились в XVI в. вследствие переворота, происходившего в итальянской торговле. Много шуму наделала в особенности несостоятельность банкирского дома Пизани в 1584 г., которая отразилась и на многих других банковских предприятиях. По словам Контарини, из припоминаемых им (в конце XVI в.) 109 банков, существовавших в Венеции, около 96 кончили банкротством.

Тогда-то возникла идея создания публичного банка. При обсуждении проекта в венецианском сенате, однако, сделан был ряд возражений против него. Находили, что государству не приличествует заниматься коммерческими операциями, что торговцам банк даст мало, так как вся суть заключается для них в получении кредита, наконец, что правительство никогда не сумеет воздержаться от попыток воспользоваться помещенными в банке суммами; это будут, вероятно, скрывать, но едва ли тайна сохранится надолго; в особенности в критические моменты, например в случае войны, она легко обнаружится.

---

⁶⁹ На франкфуртскую ярмарку в XVII в. посылались из других мест целые бочки монеты для расплаты, наряду с производством платежей и путем зачетов (рисконтро) (*Ranke. Die wirtschaftlichen Beziehungen Kölns zu Frankfurt am Mein, Süddeutschland und Italien im 16. und 17. Jahrhunderte. S. 60*).

⁷⁰ См.: Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Гл. XXX.

В защиту проекта выступил сенатор Контарини. Он восхваляет способ производства платежей, существующий в Венеции. В отношении развития торговли с Венецией могут сравняться только два города – Лион и Антверпен. В Лионе производится компенсация счетов, так что только разница уплачивается наличными. В Антверпене расчет совершается путем вручения «ассигнаций» на своих должников, которые часто, не располагая валютой, расплачиваются в свою очередь такими же «ассигнациями». «Во сколько раз совершеннее, – восклицает Контарини, – система трансферта, практикуемая в Венеции и освобождающая от необходимости уплачивать звонкой монетой нередко низкого достоинства и всегда в виде монет разнообразного чекана. Центральный банк еще более усовершенствует эту систему».

К этому он прибавляет, что трудно заставить частные банки отказаться от открытия клиентам кредитов, превышающих их вклады, от помещения последних в рискованных операциях, наконец, от пускания в обращение плохой монеты, вывозя в то же время монету высоких сортов. Всего этого можно будет избежать в случае учреждения публичного банка.

В 1587 г. был основан Banco di Rialto, которому запрещено было пользоваться вкладами для торговых операций, как и открывать кредиты сверх помещенных ценностей. Все векселя должны были предъявляться к уплате в банке. В 1619 г. был учрежден и второй публичный банк в Венеции – Banco del Giro – для регулирования расчетов между государством и его кредиторами. Однако у него имелось металлическое покрытие лишь незначительной части выданных ссуд. Позже оба банка были слиты вместе, а в 1637 г. Banco di Rialto был формально упразднен. Banco del Giro просуществовал до конца XVIII в.⁷¹

В ордонансе 1609 г. об учреждении Амстердамского банка указывалось в первую очередь на необходимость создания его в целях устранения монетного хаоса. Последний был действительно велик, так как не только каждая из семи нидерландских провинций имела свой монетный двор (провинция Голландия даже два), но и шесть городов заявляли о своем праве чеканки монеты. Это право сдавалось на откуп частным монетчикам, которые усиленно выпускали низкопробную монету разнообразного чекана. К ней присоединялись обращавшиеся в большом количестве многочисленные виды иностранных монет, также нередко низкого качества. Вследствие этого высокопробная монета (риксдалер, экю и дукат), чеканка которой была обязательна для всех монетных дворов, ходила с лажем, и возникли своего рода арбитражные операции, из которых извлекали наибольшую выгоду менялы и так называемые кассиры, удерживая наиболее полноценную монету. Лаж этот понизил ценность счетной единицы в виде флорина, которого в обращении не было.

Причину всей этой неурядицы усматривали, как обычно в те времена, в действиях менял и кассиров. С учреждением публичного банка (значительно позже такие же банки были основаны в Миддельбурге, Дельфте и Роттердаме) и те и другие были упразднены. Банку предоставлялась монополия размена, он же являлся общим кассиром для всех амстердамских коммерсантов. Всякий мог помещать в банке монету любого сорта, как и благородные металлы в слитках, и ему открывался кредит в пределах его депозита (он не мог быть менее 300 флоринов), но ни в коем случае не свыше его, причем, по желанию, либо суммы выдавались наличными, либо же производился трансферт по книгам банка. Первоначально это делалось бесплатно, с 1683 г. из небольшого процента. Некоторую сумму банк выручал и на размене монет и на покупке слитков, передаваемых им на монетные дворы для чеканки (упомянутых выше) высокопробных монет, запас которых он должен был всегда иметь для нужд внешней торговли. По примеру Венецианского банка и Амстердамскому предоставлено было исключительное право оплаты обращавшихся в Амстердаме векселей. Город Амстердам принимал на себя ответственность по всем обязательствам банка.

---

⁷¹ Dunbar. The Bank of Venice // Quarterly Journal of Economics. 1892. Nasse. Das Venetianische Bankwesen // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1879. Soresina. Il Banco del Giro di Venezia.

В дальнейшем банк отказался от торговли золотом и серебром, как и от снабжения монетных дворов металлом, предоставив эти операции частным коммерсантам. Он сократил и операцию размена, ограничиваясь, в сущности, выдачей лицам, помещавшим у него золото и серебро, авансов по их счетам в банковской монете – в виде монет, иногда и в слитках, на полгода из $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}\%$. Банк выдавал и квитанции на депозиты, которые могли передаваться без всяких формальностей; они имели обращение на бирже.

Учета векселей банк не производил. По уставу он не должен был выдавать и непокрытых ссуд, но на самом деле он снабжал в виде исключения средствами Нидерландскую Ост-Индскую компанию и город Амстердам. Первая (правление банка и правление компании частью состояли из тех же лиц) первоначально, обладая крупными средствами, прибегала лишь к краткосрочным ссудам, необходимым ей в момент отправки судов в Индию; позже выдаваемые ей ссуды значительно возросли, но компания все же старалась их погашать по мере возможности. Ссуды, получаемые казначейством г. Амстердама, были совсем безобидны, так как им соответствовали прибыли банка, из которых образовался запасный капитал: так как банк являлся городским, то город, в сущности, мог располагать этим фондом. Впоследствии город покрыл большую часть занятых им сумм за счет этого фонда, а с начала XVIII в. почти ежегодно брал в свою пользу прибыли банка.

Положение Амстердамского банка пошатнулось лишь к концу XVIII в., когда ему пришлось выдавать крупные ссуды и Ост-Индской компании (ее дела в это время сильно ухудшились), и городу, и учрежденной последним ссудной кассе, причем эти ссуды не возвращались обратно. Тогда счетная единица (банковская монета) – флорин – упала ниже ценности находившегося в обращении флорина (последний уже раньше стал и ходячей монетой, но был всегда на 5% ниже банковского флорина), почему коммерсанты стали производить платежи помимо банка. В 1819 г. банк был закрыт. Наследником его стал Гамбургский банк, усиленно развивающий с конца XVIII в. ту самую операцию трансферта, которую прежде столь успешно производил Амстердамский банк, но к которой уже перестали прибегать амстердамские коммерсанты⁷².

В Англии первоначально, уже с XVI в., перевод платежей в видах устранения необходимости пользования испорченной звонкой монетой производился через посредство золотых дел мастеров. Последние одновременно с производством ювелирных изделий занимались разменом монеты, причем они отбирали более полноценные монеты и переплавляли их в слитки и только худшие монеты вновь пускали в обращение; нередко они сами обрезают монету. Но они принимали вклады и уплачивали за них проценты, благодаря чему в их руках уже в начале XVII в. сосредоточилось большое количество денег. При этом они выдавали удостоверения относительно помещенных у них вкладов под названием *goldsmith-notes* (т.е. билеты золотых дел мастеров), позже *banker's notes* (билеты банкиров), ибо с середины XVII в. их стали называть «банкирами». В случае уплаты части помещенной суммы на билете делалась соответствующая пометка, и он являлся действительным на оставшуюся сумму вклада. Впоследствии взамен одного такого свидетельства золотых дел мастера стали выдавать несколько более мелких билетов, равнявшихся в сумме величине вклада, и, возвращая билеты, вкладчик получал обратно соответствующую часть вклада. При платежах же за товары или услуги вкладчик взамен никуда не годной монеты передавал другому лицу эти билеты, и ввиду печального состояния монеты их брали охотно. Благодаря этому в Англии еще до учреждения Банка Англии население в широких размерах обходилось без пользования монетой, заменяя ее банкнотой.

В других странах упомянутые выше банки (Амстердамский, Гамбургский и т.д.) освобождали от этой необходимости лишь известную группу купцов, входивших в состав вклад-

⁷² Van Dillen. La Banque d'Amsterdam // *Revue d'histoire moderne*. 1928. P. №15. Van Dillen. Amsterdam, marché mondial des métaux précieux // *Revue historique*. 1926. T. 152. Van Dillen. Bronnentot de geschiedenis der wisselbanken. Vol. I—II.

чиков банка, давая им возможность производить платежи друг другу через посредство банка переводом денег со счетов одного на счет другого. В Англии же билеты банкиров принимались при платежах и лицами, не имевшими у них вкладов и не состоявшими в сношениях с ними; эти билеты брал всякий, ибо знал, что при предъявлении их ему будет уплачена банкиром указанная на билете сумма. Эти билеты получили широкое обращение в качестве платежного средства, заменяющего монету. В 1666 г. имелось в обращении билетов на 1 200 000 фунтов стерлингов, выпущенных одним только золотых дел мастером. Конечно, ни один из них не имел монеты, соответствующей сумме выпущенных им билетов; последние стали банкнотами, или банковскими билетами в полном смысле слова, доставляя беспроцентный кредит выпустившим их банкирам. Банкиры благодаря этому получали возможность выдавать ссуды торговцам и приходить на помощь государству, когда оно нуждалось в средствах, – к ним обращался даже Кромвель. Эти банкиры ввели в употребление и другое новшество – чеки (bankers draft), т.е. поручение вкладчиков своим банкирам уплатить предъявителю известную сумму, помещенную у банкира на текущем счету. «Прошу уплатить мистеру Томасу Дикенсону или его приказу сумму в 30 фунтов за счет вашего друга Уичкотта» (приложена печать последнего), – гласит чек 1683 г. В течение XVIII в. чеки в Лондоне столь широко распространились, что в 1775 г. лондонские банкиры учредили расчетную палату для погашения чеков путем компенсации (зачета).

Учреждение возникшего в 1694 г. Банка Англии было обусловлено нуждой государства в кредите: привилегия на учреждение банка выдается тому, кто даст казне необходимую сумму. Уже в этом отношении Английский банк отличается от прочих упомянутых выше банков, хотя фактически и суммами венецианского Banco del Giro, и вкладами Амстердамского банка в XVIII в. пользовалось правительство, как это ни противоречило их уставам. Но еще большее различие заключается в том, что, приходя на помощь казне, Английский банк в то же время ставит своей целью и содействие развитию торговли (что отчасти делалось уже и золотых дел мастерами): он принимает денежные суммы не на хранение, а для пользования ими, для собственных активных операций, – для учета векселей и для выдачи ссуд под товары и земли. Наконец, Банк Англии в отличие от прочих банков не обязывал своих клиентов производить платежи в определенной монете или переводом по книгам банка, но выпускаемые им банковские билеты находили себе еще более широкое распространение, чем билеты золотых дел мастеров, и стали фактически среди населения платежным средством, заменявшим монету, ибо они принимались при платежах казначействами. Подобно билетам золотых дел мастеров, они первоначально были писанные, а не печатные, и первоначально можно было обменять на монету и часть указанной на билете суммы (такой билет от 1699 г. сохранился на сумму в 555 фунтов стерлингов, причем отмечено, что сначала выплачено по этому билету 131 фунт стерлингов, позже – 360 фунтов стерлингов); впоследствии же выдавались взамен этого билеты на небольшие круглые суммы.

Маколей следующим образом изображает возникновение банков в Англии и учреждение национального банка.

Еще при Вильгельме III (т.е. в конце XVII в.) старики вспоминали о тех временах, когда в лондонском Сити не существовало ни одного банкира; каждый торговец держал кассу у себя дома, и, когда ему предъявляли векселя, он платил наличными. Но затем установилась новая мода, образовался и новый класс агентов, хранивших кассы коммерсантов; это были золотых дел мастера, в подвалах которых могло храниться большое количество слитков золота и серебра, не подвергаясь опасности от пожара или ограбления. Это нововведение вызвало много шума и протестов. Купцы старого покроя горько жаловались на то, что люди, которые еще 30 лет тому назад ограничивались своей профессией и выручали хорошие барыши на изготовлении кубков и чаш, на вделывании в оправу бриллиантов для красивых женщин и на продаже пистолей и талеров путешественникам, отправлявшимся на континент Европы, теперь стали

казначейми почти всего Сити. Эти ростовщики ведут опасную игру тем, что другие добыли своим прилежанием и накопили благодаря своей бережливости. В случае удачи ловкий кассир становится альдерменом, при проигрыше же обманутый, наполняющий его кассу, оказывается банкротом. Но другие настаивали на выгоды новой системы, сберегающей труд и деньги: два клерка в одной конторе при новой системе исполняют то же, что прежде делали двадцать в двадцати разных конторах; билет золотых дел мастера в течение одного утра переходит десять раз из рук в руки, и благодаря этому сто гиней, лежащие под его замком поблизости от биржи, исполняют ту же функцию, что прежде тысяча гиней, разбросанных по разным ящикам. В результате даже те, кто кричал громче всех, вынуждены были подчиниться новому обычаю. Долше всех сопротивлялся известный экономист Дедлей Норт. Вернувшись после продолжительного отсутствия в 1680 г. в Лондон, он был особенно поражен и возмущен новым обычаем производить платежи через посредство банкиров. Он жаловался на то, что не может идти на биржу без того, чтобы его не преследовали золотых дел мастера, с глубокими поклонами прося его о чести быть ему полезными. С большим трудом друзья убедили его поместить свои деньги у одного из людей Ломбард-стрит, как их называли. К несчастью, этот человек обанкротился, и хотя Дедлей Норт потерял всего 50 фунтов, но этот случай еще более убедил его в правильности его взглядов. Но борьба его была бесплодна, ибо люди не желали отказаться от выгод, соединенных с новой системой, на том основании, что возможны отдельные несчастные случаи, так же как они не имели намерения прекратить постройку домов ввиду опасности пожара или сооружения кораблей вследствие опасности морских бурь.

Когда банковское дело стало самостоятельной и важной отраслью, возник вопрос о необходимости учреждения национального банка по примеру двух известных банков – Св. Георгия в Генуе и Амстердамского. Указывали на то, что банк Св. Георгия существует в течение трех веков, что он начал принимать вклады и выдавать займы прежде, чем Колумб переехал через Атлантический океан, чем Васко да Гама объехал мыс Доброй Надежды, тогда, когда еще христианский король сидел в Константинополе и магометанский султан в Гранаде, когда Флоренция была республикой, а Голландия – наследственной монархией. Все это с тех пор изменилось: новые моря были открыты, в Константинополе правил турок, а в Гранаде кастилец, Флоренция стала наследственной монархией, а Голландия республикой, но банк Св. Георгия по-прежнему принимал вклады и по-прежнему выдавал ссуды. Амстердамский банк существовал в течение всего 80 лет, но выдержал успешно много испытаний; даже в эпоху ужасного 1672 г., когда все устье Рейна находилось в руках французов и на ратуше развевались белые флаги, среди всего смятения и паники было лишь одно место, где все время господствовало спокойствие и порядок, и этим местом являлся банк. Почему бы и лондонскому банку не процветать так же, как и эти банки?

Возник ряд проектов национального банка, из коих одни предлагали учредить его под руководством короля, другие – поставить во главе его лорд-мэра, альдерменов и общинный совет столицы. Некоторые проекты напоминали скорее детский лепет или бред горячечного больного. Двое из таких фантазеров, постоянно толпившихся в передней палаты общин, утверждали, что лучшим средством против всякой болезни государства является земельный банк и что учреждение его создаст чудеса, каких не испытали даже израильтяне, – большие чудеса, чем манна небесная. Не будет более податей, и все же казначейство будет ломиться от денег, исчезнут сборы в пользу бедных, ибо не будет бедных; доходы каждого землевладельца удвоятся, барыши каждого купца увеличатся – словом, Англия станет раем небесным. Пострадают лишь банкиры, эти злейшие враги нации, доставившие ей больше несчастий, чем могло бы нанести вторжение французской армии в Англию. К счастью, подобного рода проекты остались без рассмотрения, и страна избежала несчастья, «по сравнению с которым понесенные Вильгельмом в Нидерландах поражения и уничтожение английского флота французским в 1693 г. были бы благословением». Однако, говорит *Маколей*, не все изобретатели проектов этого бойкого

времени были столь абсурдны. Один из них, Уильям Паттерсон, был талантливый, хотя и не всегда умный спекулянт. Относительно его прошлого было известно только, что он по рождению шотландец и что он жил в Вест-Индии, причем друзья его утверждали, что он ездил туда в качестве миссионера, а враги говорили, что он был пиратом.

Проект Паттерсона, под названием *tonnage-act*, т.е. билля о потонном сборе, встретил в парламенте сочувствие. Правительству нужны были деньги, и оно проектировало выдать из потонного сбора с судов и лодок вознаграждение тому, кто ссудит его суммой в 1,5 млн фунтов стерлингов. Паттерсон и предлагал учредить банк в форме акционерной компании, который заключит с казной заем на эту сумму.

Но и у Паттерсона было много противников, и, когда план его стал известен, началась война на бумаге, не менее ожесточенная, чем борьба между конформистами и нонконформистами или между старой и новой Ост-Индской компанией. Авторы отвергнутых проектов набросились как сумасшедшие на своего счастливого соперника; золотых дел мастера и содержатели ссудных касс подняли разъяренный вой; недовольные тори предсказывали падение монархии, ибо банки являются республиканскими учреждениями – банк процветает в Венеции, Генуе, Амстердаме и Гамбурге, но слышал ли кто-либо о французском или испанском банке? Напротив, некоторые виги говорили о гибели английских свобод: банк – орудие тирании, ужаснее звездной палаты, страшнее армии Кромвеля; все имущество страны будет находиться в руках «тоннажного» банка – таково было презрительное название его, – «тоннажный» банк будет в руках монарха. Наконец, в верхней палате некоторые лорды заявляли, что весь план имеет в виду лишь обогащение ростовщиков за счет дворянства и джентри; люди, имеющие сбережения, предпочтут помещать их в банк под проценты, чем ссужать их под залог земель.

Деньги нужны были правительству – иначе Англия рисковала остаться без флота в Ла-Манше, – и билль был принят. Билль разрешает открытие подписки на 1,2 млн фунтов стерлингов, причем подписавшиеся (каждое лицо на сумму не свыше 20 тыс. фунтов стерлингов) образуют акционерное общество под названием «губернатор (директор) и компания Английского банка». Общество передает весь свой капитал правительству, которое обязуется уплачивать ему 8% с этой суммы, – кредит для того времени не дорогой.

С учреждением Банка Англии последнему не была предоставлена монополия, он даже не пользовался исключительной привилегией в области выпуска банкнот. Только законом 1708 г. запрещен был выпуск банкнот компаниям, учреждаемым в количестве более 6 человек, т.е. акционерным банкам. Такое запрещение считалось равносильным запрещению учреждать банки вообще, и действительно других банков (учрежденных компаниями) в Англии долго не возникало. Банкноты могли выпускать по-прежнему только отдельные банкиры; но в Лондоне это скоро прекратилось, ибо с появлением всесильного Английского банка роль банкиров там надолго свелась к минимуму. В провинции же, где до середины XVII в. Банк Англии не имел отделений, возникали небольшие банки. Первоначально это были торговцы, которые рядом с торговлей давали ссуды своим покупателям; они же принимали у последних вклады. Так возникали банки в провинции до середины XVIII в.; в 1755 г. впервые был сразу основан банк в отличие от этих постепенно возникающих банков. Но еще в 1759 г. насчитывалось в Англии всего 12 банков, и лишь в 1776 г. число их достигло 150, а в 1790 г. увеличилось до 300⁷³. Они выпускали банкноты, которыми производили учет векселей, так что в провинции в отличие от Лондона банкноты являлись не столько свидетельствами о помещенных вкладах, сколько средством кредитования, ибо депозитная операция была в провинции еще мало развита и без выпуска банкнот банкиры не в состоянии были бы кредитовать своих клиентов⁷⁴.

---

⁷³ См.: *Lawson*. History of Banking. P. 260 ff. *Francis*. History of the Bank of England. Vol. I. P. 205 ff.

⁷⁴ См.: *Jaffé*. Das englische Bankwesen. P. 105 ff.

Иное положение находим на континенте Европы. Публичные банки, которые здесь существовали, как мы видели, не занимались торгово-промышленным кредитом, частных же банков почти не было. *Марпергер* в своем «Описании банков» (1716 г.) называет банкиром купца или менялу, который имеет много дел с векселями на иностранные рынки. Ради вексельных операций (производства и получения платежей посредством векселей) купцы обращались к «ярмарочному» или «иностранному» банкиру, производившему свои операции в одном из крупных центров – Амстердаме, Милане, Франкфурте-на-Майне, – и только к концу XVIII в. стали для этого прибегать и к услугам местного банкира – до того времени они производили платежи, обходясь и без него. Во всяком случае, банкир, по общему правилу, лишь инкассировал их векселя, но самостоятельно их не снабжал кредитом. Лишь с начала и в особенности с середины XVIII в. возникают в отдельных местах ломбарды, выдающие купцу ссуду под товары, как, например, в Брюнне (Австрия) в 1751 г., в Санкт-Галлене в 1752 г., где купец помещал свой холст до поездки на ярмарку и получал под него ссуду для производства дальнейших операций⁷⁵. *Лудовици* рассказывает о существовании таких «ленбанков», или ломбардов, не только в Италии, Англии и Голландии, но и в Гамбурге и Берлине⁷⁶.

В Австрии еще в 1785 г. на предложение группы лицстроить публичный банк последовал отказ Иосифа II «решительно и навсегда». Но два года спустя датский банкир Баргум и группа местных оптовых торговцев все-таки сумели добиться патента на открытие «коммерческого, ссудного и вексельного» банка, капитал которого в значительной мере создавался из средств высшей австрийской аристократии; этим-то и объясняются успешные результаты ходатайства. Банку предоставлено было право производить все виды оптовой торговли, вексельные операции в пределах страны и за границей, учет и ломбардирование товаров. Ломбардная и учетная операции удачно развивались, но Баргум стал составлять подложные векселя, и когда это раскрылось, бежал (в 1790 г.), после чего привилегия, выданная ему, была аннулирована. Два года спустя представителям высшей аристократии (кн. Шварценберг, кн. Коллоредо, гр. Ностиц и др.) удалось снова выхлопотать привилегию на открытие банка, причем они ссылались на то, что за короткое время своего существования банк успел повести успешную борьбу с ростовщичеством (хотя административные органы это отрицали). Однако теперь ломбардная операция исчезает; напротив, банк занимается усиленно торговлей и учреждением промышленных предприятий. После банкротства государства и он вынужден был прекратить свою деятельность⁷⁷.

Вообще коммерческий кредит был на континенте Европы еще весьма мало распространен и в XVIII в.

Обширные торговые операции таких крупных фирм XVI в., как Фуггеры, Вельзеры, Гохштеттеры и др., обходились еще почти без кредита. Это были обыкновенно семейные полные товарищества, в которых каждый из членов не только нес риск, но и принимал нередко участие в общем предприятии. Правда, членам, выходявшим из состава товарищества, разрешалось в виде особой льготы оставить свой капитал целиком или частью в предприятии в качестве депозита, т.е. как вклад, с которого они получали определенные проценты, независимо от прибылей или убытков товарищества. Однако эти капиталы принадлежали родственникам, которым оказывалась таким образом особая льгота. К посторонним лицам не желали обращаться, и они не могли помещать своих капиталов у компаний. 5%-ные депозиты были известны в XVI в. – у итальянских фирм, как мы видели, помещались депозиты уже раньше, – германские торговые дома и товарищества их принимали, а имперские чины уже в 1522 г. запрещали их, требуя,

---

⁷⁵ *Wartmann*. Handel und Industrie des Kantons St.-Gallen.

⁷⁶ *Ludovici*. Grundriss eines vollständigen Kaufmanns-Systems. § 724.

⁷⁷ См.: *Rager*. Die Wiener Kommerz-, Leih- und Wechselbank. 1918. *Srbik*. Der staatliche Exporthandel Österreichs von Leopold I bis Maria-Theresia. S. 234. *Ehrenberg*. // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. III. F. Bd. 3. S. 809. *Silberschmidt*. Die werdende Aktienbank in Österreich // Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. XV. 1919. S. 272 ff.

чтобы компании пользовались одним собственным капиталом. Но они составляли исключение. В начале XVI в. в Аугсбурге, крупном торговом центре того времени, депозиты были еще мало распространены, и летописец с удивлением рассказывает, что у Амброзия Гехштеттера князя, графы, дворяне, городские жители, крестьяне, батраки и служанки помещали то, что имели, из 5%; даже поденщики, которые имели не более 10 гульденов, отдавали их его компании, так что он по временам имел до 10 тыс. вкладов – никто не знал, что у него было столько. Позже Эк защищал *contractus trinus* и такой процент (*contractus quinque de centum*), ссылаясь на то, что в Аугсбурге он в течение свыше 40 лет применяется пользующимися почетом гражданами, женскими монастырями, учеными людьми⁷⁸.

К концу XVI в. компания суконщиков в Иглау вынуждена была «в стране и за пределами ее добиваться ссуд», обращаясь к купцам Праги, Штейра и других городов, а компания по сбыту олова в Амберге принимала вклады с правом взятия их обратно лишь по истечении 5 лет, тогда как компания могла ежегодно, с предупреждением за 3 месяца, отказаться от них. Это последнее право – освободиться от вкладов в любой момент – было весьма существенно для компании. В 1614 г. наряду с внесенной участниками суммой в 25 тыс. (117 лиц, в размере от 25 до 450 гульденов), имелось вкладов на 12 тыс. в размере от 250 до 5 000 гульденов (наибольшую сумму поместил курфюрст)⁷⁹. Известная торгово-промышленная вюртембергская компания, центром деятельности которой являлся г. Кальв, в начале XVIII в. уже пользовалась в значительных размерах не только вкладами участников, которые обязаны были помещать известную часть прибылей у компании из 6% годовых (независимо от прибылей, получаемых ими в качестве членов), но и капиталами посторонних лиц; компания делала займы у частных лиц, правительственных касс, местных чиновников и центральной администрации вплоть до высших ступеней и уплачивала 4 или 5%. Однако этим путем компания не столько имела в виду расширить свои операции, сколько заинтересовать население, в особенности же чиновников, в успехах предприятия и привлечь их на свою сторону. Когда же положение ее упрочилось, компания начала выплачивать обратно помещенные у нее капиталы, усматривая в них обман, от которой нужно освободиться как можно скорее⁸⁰. Этот факт крайне характерен. Он ярко выражает условия того времени, когда предприятия вовсе не стремились к расширению своих операций и всячески избегали обращаться к кредиту для этой цели.

С другой стороны, и помещать свои капиталы в предприятиях соглашались лишь весьма немногие; слишком рискованны были такого рода операции⁸¹. Банкротства представляли собой в то время, как видно из романов XVIII в. и статистических данных, приводимых *Баашем*, и из описаний деятельности отдельных предприятий, явления весьма частые⁸². Коммерческая деятельность ведь была соединена с большим риском: постоянные войны, опасности, сопряженные с мореплаванием (пиратство, кораблекрушения, отсутствие попутного ветра, задерживавшее суда), валютный хаос и т.д. легко приводили к гибели торговца, а тем самым разоряли и его кредиторов. Поэтому, кто имел лишние деньги, обычно держал их у себя или же приобретал на них землю. В займы давали только родственникам или знакомым или, в крайнем случае, при помощи объявлений во вновь появившихся газетах искали верного помещения денег,

⁷⁸ Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. Bd. I. S. 212.

⁷⁹ Strieder. Jacob Fugger der Reiche. P. 453.

⁸⁰ Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompanie und ihre Arbeiter. S. 140—142.

⁸¹ Впрочем, торговый дом Шплитгербер и Дауле в Берлине, учрежденный в 1712 г., занимал деньги под проценты. В 1718 г. у него имелось 110 кредиторов, среди них первое место занимали берлинские купцы, которым он должен был 35 тыс. талеров. В 1780 г. главным кредитором его был барон Шлиттау, который ему предоставил 15 тыс. талеров из 6%. (Lenz-Unholtz. Geschichte des Bankhauses Gebrüder Schickler. 1911 S. 7.)

⁸² Baasch. Aus einer hamburger Fallitenstatistik des 18. Jahrhunderts // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. XV. Idem. Der Kaufmann in der deutschen Romanliteratur des 18. Jahrhunderts // Aus Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Gedächtnisschrift für Below. 1928. Strieder. Klosterarchive und Handelspfähle // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. XV. Reiss-Journal und Glücks- und Unglücksfälle von Joh. Zetzner (1677—1735).

однако не в области торговли и промышленности, а в форме земельного кредита. В Пруссии к концу XVII в. была учреждена земская кредитная касса (Churmärkische Landschaft), созданная в интересах дворянского землевладения, которая принимала вклады и платила за них 6%, но она скоро обанкротилась, и хотя продолжала и впоследствии свою деятельность, но этот печальный опыт весьма пугал людей, не решавшихся после этого помещать в этом учреждении свои сбережения. В начале XVIII в. король сам стал помещать там свои деньги, и касса в частных вкладах не нуждалась⁸³.

Однако этот пробел заполняется как безвозвратными пособиями, так и ссудами, выдаваемыми в особенности промышленникам государством⁸⁴. Во Франции, например, государство приходит на помощь промышленности и торговле не только безвозвратными пособиями, но и ссудами. Одно из учреждений – касса полупроцентного сбора (это был дополнительный к 3%-ному сбору, взимаемому с товаров, привозимых с Антильских островов), позже переименованная в Caisse de commerce, – выдало из своих средств (они первоначально были предназначены для борьбы с контрабандой в этих областях) 1,3 млн ливров (за пятидесятилетие 1739—1789 гг.). Ссуды были, однако, либо беспроцентные, либо с весьма низким процентом (не выше 5), выдавались они на срок 1—6, редко более лет, иногда за поручительством, чаще же без него, почему много сумм (около четверти) не возвращалось⁸⁵.

С середины XVIII в. в Пруссии появляются небольшие группы лиц, у которых накопились некоторые суммы и которые стараются их поместить под проценты. Это придворные, дворянство, чиновники, в особенности же вдовы и сироты, всякого рода богоугодные заведения, монастыри. Эти последние категории особенно нуждались в помещении своих денег под проценты, так как обычно не имели других доходов и им пришлось бы для своего существования или для содержания учреждения расходовать самый капитал.

Упомянутая земская касса и другие учреждения дворянского поземельного кредита, а также учрежденный к концу XVIII в. королевский банк и его провинциальные отделения, наконец, государственная торговая компания (Seehandlung) принимали свободные суммы в качестве депозитов, но в крайне ограниченном количестве. Активные операции их были столь ограничены, что они не в состоянии были найти приложение даже для той небольшой суммы вкладов, которая им предлагалась. Им приходилось периодически производить возврат излишних накопившихся у них вкладов, причем это делалось обыкновенно в определенной очереди, в том порядке, в котором они были внесены, так что возвращались каждый раз наиболее давно помещенные суммы. Позже богоугодные заведения в качестве особой льготы добились того, что их вклады вовсе не возвращались, выплачивались же только суммы, принадлежавшие частным лицам. Последние также нередко обращались к королю с жалобами на то, что им некуда поместить свои сбережения, и просили о том, чтобы он приказал земской кассе или банку принять их вклады. Такие прошения подавались военными, отставными чиновниками, духовными лицами. Одни заявляли, что у них нет других источников дохода, другие ссылались на продолжительную и беспорочную службу на пользу государства, иммигранты указывали на то, что при самом вызове их из-за границы им было обещано принять их вклады. При этом они готовы были ввиду верности помещения довольствоваться 5%, которые эти учреждения уплачивали. Король часто отдавал приказание принять суммы определенных лиц (в особенности министров) или учреждений, и тогда приходилось возвращать вклады другим. В 1786 г. среди депозитов, находившихся у бранденбургской земской кассы на 3 1/2 млн талеров, 227 тыс. при-

---

⁸³ Weyermann. Zur Geschichte des Immoiliarkreditwesens in Preussen. 1910. P. 1 ff.

⁸⁴ См.: Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Гл. XL.

⁸⁵ Depître. Prêts au commerce et aux manufactures // Revue d'histoire économique et sociale. VII. 1914—1919.

надлежало королевской фамилии, 1,4 млн учреждениям и богоугодным заведениям, 800 тыс. вдовам и сиротам и всего 1,1 млн прочим частным лицам⁸⁶.

И другие кредитные учреждения страдали от такого несоответствия между активными и пассивными операциями. Учрежденный в 1765 г. Прусский банк не сумел развить ни эмиссионную операцию (право ему было предоставлено), ни жировую, а ограничивался вексельной, ломбардной и депозитной. Но и кредитование (путем учета векселей и под товары) производилось, за отсутствием спроса, в ограниченных размерах, тогда как депозиты (судебных мест, опекунских учреждений, церквей, благотворительных установлений) быстро росли; временно приходилось приостанавливать их прием. Ввиду изобилия их банк стал кредитовать государство и землевладельцев, что привело его к несостоятельности. Характерно, что при создании в 1780 г. в Ансбахе банка, превратившегося впоследствии в Нюрнбергский банк, в качестве одной из основных задач его выдвигалось «всяческое оказание помощи той части подданных, которые часто находятся в затруднительном положении, не имея возможности немедленно поместить поступившие капиталы и наличные деньги». А в то же время купцы заявляли, что в кредитном учреждении, которое давало бы им ссуды, они не нуждаются, и когда некоторым из них банк предлагал ссуды для расширения предприятия, то они отказывались, ссылаясь на то, что от этого пострадал бы их кредит. «Активные операции» развивались медленно, тогда как вклады обильно притекали и никому нельзя было отказать⁸⁷.

Гораздо более, чем коммерческий мир, прибегала к кредиту поместная аристократия, землевладельческие классы, но только это был кредит потребительный, а не производительный. И в Шотландии в XVIII в., и во Франции накануне революции весьма велика была задолженность дворянства, которое вынуждено было закладывать и перезакладывать свои имения, а чтобы избавиться от долгов, продавать их по частям и даже целиком. В Германии находим сильную задолженность землевладельцев уже к концу XVI в.; в эпоху Тридцатилетней войны задолженность дворянства настолько увеличилась, что «долги его на много тысяч гульденов превышают имущество, и даже между состоятельными дворянскими семьями трудно найти такие, земля которых не была бы обременена крупными долгами⁸⁸.

Так, в Баварии во время Тридцатилетней войны дворянство настолько пострадало и от врагов, и от «враждебных друзей», что ему ничего не оставалось, как «жить долгами», ибо «не могло же оно работать или жить подаянием, как другие сословия». После заключения мира 1648 г. произошла крупная перемена в области земельной собственности – задолженные земли стали переходить в другие руки; только военачальники сумели обогатиться во время войны, в эпоху всеобщего обеднения. От старого дворянства земли переходят к церквям и монастырям или к новому дворянству, *homines novi*, состоявшему из иностранцев и из лиц, получивших дворянское звание благодаря гражданской или военной службе.

Было бы ошибочно предполагать, что в эту эпоху отсутствовала задолженность крестьянских земель; предположение, что это наступило лишь с отменой крепостного права и не могло иметь места до тех пор, пока крестьяне не могли свободно распоряжаться землей, не соответствует действительности. *Артур Коген*, подробно исследовавший вопрос о задолженности крестьян в Баварии в 1598—1745 гг., пришел к выводу, что в эту эпоху отчуждение, залог и продажа за долги крестьянских земель составляли обычное явление. Если крестьянин вынужден был заложить землю, то помещик не мог помешать этому; еще менее он мог воспрепятствовать продаже с публичного торга заложенной земли, которая переходила независимо от его согласия к тому, кто предлагал высшую цену. На основании инвентарей 30 крестьянских име-

⁸⁶ *Mauer*. Die private Kapitalanlage in Preussen im 18. Jahrhundert. 1921. P. 6 ff., 12 ff., 21—3, 25 ff.

⁸⁷ *Limburg*. Die königliche Bank zu Nürnberg. 1903. P. 3, 7, 10.

⁸⁸ См.: *Taine*. L'ancien régime. Ein Neu, Nutzlich und Lustigs Colloquium etc., изд. Gothein'ом. Einleitung (Die deutschen Kreditverhältnisse und der 30-jährige Krieg). *Roupenel*. Der Kampf um die adeligen Güter in Bayern nach dem dreissigjährigen Kriege // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1903.

ний получается задолженность в среднем в размере 23% ценности имущества, причем более крупные хозяйства менее задолжены, чем мелкие хозяйства. Долги вызывались как уплатой податей, сеньориальных оброков и повинностей, так и платежами при переходе двора по наследству, дефицитом при ведении хозяйства, наконец, пожарами, наводнениями, войнами. Невозможность уплаты долгов приводила к тому, что они переходили из рода в род, ложась с самого начала тяжелым бременем на нового хозяина. Из 60 случаев заключения крестьянами кредитных сделок, приводимых *Когеном*, в 54 кредит получен под залог всего имущества или его части; кредиторами являются и в этом случае, как и в отношении дворян, преимущественно церкви и монастыри; если же они отказывали в ссуде, то крестьянин обращался к частным лицам, нередко к односельчанам; существовали, по-видимому, семьи, которые занимались выдачей ссуд как профессией⁸⁹.

В различных местностях Франции находим сильную задолженность как старого дворянства, так и крестьян горожанам, из которых выходит и новая аристократия. Крестьянские общества вынуждены брать ссуды, а затем ввиду невозможности их уплатить продавать свои леса, выгоны, воды, мельницы и т.д.; когда же этого имущества оказывается недостаточно, то новый сеньор заставляет их уплачивать ежегодные поборы за долги в виде новых видов *taille* или новых *dîmes*, — получают тяжелые платежи^{90,91}.

Наиболее важную форму кредита составлял, однако, и теперь кредит публичный, который сохранил еще много характерных особенностей предыдущей эпохи. Это был по-прежнему кредит не государственный, а государей — даже в Англии долг был признан национальным впервые в 1716 г. Еще в 1665 г. император Леопольд I не признал сделанных его предшественником долгов и лишь «по доброй воле» согласился уплачивать по ним проценты в течение трех лет⁹². В Баварии даже в 60-х гг. XVIII в. обсуждался вопрос о том, обязан ли государь уплачивать заключенные его предшественником займы⁹³. Кредит выражался и теперь в краткосрочных займах под отдельные источники доходов или ожидаемые в будущем поступления налогов. Домены по-прежнему отдаются в залог при заключении займов, причем они и теперь переходят во владение к кредиторам; последние в лице дворянства отказываются вернуть заложенные им земли. Фридрих Великий вынужден был прекратить вызванные этим многочисленные процессы между казной и дворянством. Но и Людовик XIV не в состоянии был выкупить заложенные за небольшую сумму королевские домены⁹⁴. Широко распространены были, в особенности в XVI в., ссуды королям и герцогам под добычу принадлежащих им рудников — серебряных, медных, ртутных, свинцовых, — как и под другие товары, которыми ссуда выплачивалась кредитору: янтарь, жемчуг из Америки (ссуда Карлу V), перец из Индии (ссуды антверпенских купцов португальскому королю)⁹⁵. Займы заключались у иностранных банкиров

⁸⁹ Kiener. Zur Vorgeschichte des Bauernkrieges am Oberrhein // Zeitschrift für Geschichte des Oberrheins. N. F. Bd. 19. 1904. Wopfner. Die Lage Tirols. 1908. S. 53. Cohen. Die Verschuldung des bäuerlichen Grundbesitzes in Bayern von der Entstehung der Hypothek bis zum Beginn der Aufklärungsperiode. 1906. Окоб. s. 128, 141, 148, 183 ff., 240 ff., 298, 360 ff., 406 ff.

⁹⁰ Roupnel. La ville et le village au XVII siècle. P. 216 ff., 222 ff., 230 ff., 235 ff. Ср.: Raveau. L'agriculture et les classes paysannes dans le Bas- oitou au XVI siècle // Revue d'histoire économique et sociale. 1924. №№ 1, 3).

⁹¹ В конце XVII в., читаем у *Дэдли Норса*, в нашей стране (Англии) деньги, отдаваемые под проценты, гораздо менее, чем в десятой своей части, идут в руки предпринимателей, которые могли бы при помощи их вести свои операции; они ссужаются, главным образом, для покупки предметов роскоши, выдаются на расходы людям, которые хотя и являются крупными землевладельцами, но тратят деньги быстрее, чем приносят им их землевладение, а так как они стыдятся продавать свои имения, они предпочитают обременять их ипотечными долгами (*North. Discourses upon Trade. 1691. P. 6—7. Цит. по: Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 2. Пер. Базарова и Степанова. 1923. С. 153*).

⁹² Thorsch. Materialien zu einer Geschichte der österreichischen Staatsschulden. S. 59.

⁹³ Schmelzle. Der Staatshaushalt der Herzogtums Bayern im 18. Jahrhundert. S. 243.

⁹⁴ Däbritz. Staatsschulden Sachsens. P. 50. Bresson. Histoire financière de la France. T. II. P. 36. Landmann. Finanzarchiv. 1912. S. 31 ff. Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. Bd. I. S. 23.

⁹⁵ Strieder. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. 2. Aufl. S. 31 ff. Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. Bd. I. S. 166, 253 ff. Philippowich. Die Bank von England. S. 27. Thorsch. Staatshaushalt Bayerns im 18. Jahrhundert. S. 71. Breysig.

– итальянцев, южногерманских купцов – на Амстердамской бирже. В середине XVI в. представитель английской королевы Грешэм вынужден был заключать займы в Антверпене с уплатой 10—12 и даже 12—14%, причем обязательства, кроме королевы (она обязывается «своим королевским словом за себя и за наследников»), подписаны членами Тайного совета и приложено поручительство «мэра и жителей Лондона». Последние солидарно ручаются лично и всем своим имуществом и находящимися в Англии и за пределами ее товарами, и не допускаются никакие возражения с их стороны. Или же производились принудительные займы у собственных подданных. Во Франции находим целый ряд случаев принудительных займов в XVI и XVII вв., особенно у города Лион; в Англии принудительные займы имели место при Елизавете, при Якове I в 1625 г.; в Испании применялся захват королем американского серебра, принадлежащего частным лицам, взамен чего им выдавались долговые обязательства; в Англии в XVII в. рассылались *privyseals* всем знатным лицам для получения у них денег; в Пруссии Великий курфюрст распределял нужные ему суммы между состоятельными офицерами и чиновниками; в Австрии еще в XVIII в. богатая аристократия перед каждым походом получала такие собственноручно подписанные императором просьбы о кредите с указанием крайней нужды государства и с требованием определенной суммы.

Для уплаты займов нередко не хватало средств, и доходы, предназначенные на уплату процентов и погашение (по частям) займов, употреблялись на иные цели, в особенности на дальнейшие войны. Государь, ссылаясь нередко на ростовщический характер займа – как это бывало в Средние века, – объявлял себя банкротом: кредиторы лишались обещанных им доходов, например американского серебра, и долг превращался в 5%-ную вечную ренту, которая стояла гораздо ниже нарицательной цены. Так это делалось в особенности в Испании, где в XVI—XVII вв., как и в следующие века, такие банкротства происходили каждые 20 лет. Во Франции они частью принимали такую же форму, частью просто прекращались платежи и не возобновлялись, несмотря на требования кредиторов, как это было, например, в 1557 г.; частью процент насильственно понижался или часть займа объявлялась несуществующей; так это было при Сюлли; нечто подобное произошло и в 1664 г. при Кольбере⁹⁶. В немецких государствах земские чины уже с конца XV и начала XVI вв. принимают на себя ответственность за заключенные государем займы, но «разделение ответственности обозначало лишь уменьшение ее и увеличение путаницы». Проценты не уплачиваются, займы не погашаются, договор нарушается, заключаются новые соглашения с сокращением долга, и в результате в эпоху Тридцатилетней войны Бранденбург, Бавария, Вюртемберг близки к банкротству. При Великом курфюрсте не уплаченные в течение многих десятилетий и поэтому сильно возросшие проценты были аннулированы и самая капитальная сумма настолько уменьшена, что кредиторы казны получали не более 20—25% первоначальной суммы займа⁹⁷. Подобным же образом поступали и другие немецкие государства в XVII в., только Бавария и Саксония ограничились уничтожением процентов, не сокращая капитала. Принудительное понижение процентов и прекращение уплаты старых долгов производилось и в XVIII в.⁹⁸ В 60-х годах XVII в. австрийский император никак не мог получить нужных ему средств; даже голландские купцы отказывались дать ему деньги под будущие доходы от земель или таможенных пошлин, а португальские евреи, которые согласились бы открыть кредит под бриллианты, отказывались это сделать, когда речь шла «о короле или знатном князе», ибо в этом случае невозможно наложить арест на имущество

Brandenburg Staatshaushalt. S. 499. *Landmann*. Finanzarchiv. S. 57 ff.

⁹⁶ *Vührer*. Histoire de la dette publique. P. 39 ff.

⁹⁷ *Kaphuhn*. Der Zusammenbruch der deutschen Kreditwirtschaft im 17. Jahrhundert // *Deutsche Geschichteblätter*. XIII. S. 158 ff.

⁹⁸ *Däbritz*. Staatsschulden Sachsens. S. 11—12, 41, 67. *Landmann*. Entwicklungsgeschichte der Formen des öffentlichen Kredites. S. 38.

должника⁹⁹. Исключение среди всех этих государств составляли лишь Нидерланды и Англия, где правительство с начала XVIII в. добросовестно выполняло свои обещания.

В качестве примера такого немецкого государя XVIII в., для которого самая мысль о необходимости уплаты долгов казалась чем-то странным, можно привести ландграфа Эрнеста Людовика Гессен-Дармштадтского. Страдая манией величия, он стал по примеру других немецких князей строить многочисленные замки, причем желал непременно обладать собственным Версалем. Он построил больше десятка, в том числе принялся за сооружение дворца-великана, в котором, как презрительно выразился император, он мог бы поместиться вместе со всеми курфюрстами и их придворными. Деньги ландграфу доставлял франкфуртский банкир Яков Бернус, которому он задолжал свыше 1 млн гульденов. «И подобно многим другим, Бернусу пришлось убедиться в том, что при тогдашних правовых условиях в Германии нет никакой силы, которая могла бы принудить недобросовестного государя к выполнению своих обязательств, им лично подписанных и скрепленных печатью. Даже вынесенное в Вене и вступившее в силу судебное решение, за которым последовал приказ императора курфюрстам Трирскому и Пфальцскому привести его в исполнение и заставить ландграфа уплатить, не могло ему помочь. Курфюрсты не двигались с места, и ландграф умер в 1739 г., не уплатив ни копейки. Из полученных в залог десятины с меди и доходов от железных заводов ландграфа Бернус тоже ничего получить не мог. И преемник Эрнеста Людовика Людовик VIII отказался платить, так как он якобы не отвечает за личные долги своего предшественника. А между тем, будучи наследным принцем, он выразил свое согласие на заключение займов у Бернуса и в некоторых случаях даже торжественно обещал в случае смерти своего отца уплатить его долги. Правда, Людовику VIII после этого все труднее становилось добывать деньги у франкфуртских капиталистов, и этот государь постоянно нуждался в деньгах, повсюду их разыскивал, попрошайничая на каждой франкфуртской ярмарке, забирая сбережения у своих подданных вплоть до придворных лакеев, музыкантов и лесничих. Только в 1778 г. следующий курфюрст, Людовик IX, согласился уплатить наследникам и кредиторам Якова Бернуса около 28% долга без процентов и притом в 3%-ных облигациях¹⁰⁰.

Неудивительно, если в середине XVIII в. еще говорили: не давай займы более сильному, если же дал, то смотри на эту сумму как на потерянную, и прибавляли: обещания дают дворяне, но выполняют их только мужики. Рост государственных займов этой эпохи вызывался в особенности непрерывными войнами: в XVI в. насчитывалось всего 25 лет, в XVII в. всего 21 год, когда не происходило бы крупных военных операций; притом войны в эту эпоху ввиду господства наемных войск (кондотьеры) требовали особенно больших расходов. Отсутствие необходимых на это средств и невозможность заключить заем за недостатком надлежащих обеспечений (рудников, земель, податей), в особенности же потеря кредита после отказа уплатить прежние долги, после банкротства, нередко заставляли правительство прекратить войну и заключить мир. Отказом в дальнейших кредитах вызвано, например, в 1525 г. поражение венгерского короля в битве при Могаче и опустошение Северной Италии не получавшими денег войсками императора, мир в Камбре в 1529 г., мир при Като-Камбрези в 1558 г., мир при Вервен в 1598 г., 12-летнее перемирие с Нидерландами в 1609 г. В других случаях потеря кредита приводила к таким событиям, как разграбление в 1527 г. Рима войсками Карла V, в 1576 г. — Антверпена войсками, не получившими жалованья, ибо за год до этого произошло банкротство Испании; точно так же парижское восстание 1558 г. находится в связи с неуплатой займа городу Парижу; последнее вызвало сильное возбуждение среди населения, потерявшего свои деньги¹⁰¹.

⁹⁹ *Srbik*. Der staatliche Exporthandel Österreichs. p. 26.

¹⁰⁰ *Dietz*. Frankfurter Handelsgeschichte. Bd. IV. T. I. 1926. P. 388.

¹⁰¹ *Ehrenberg*. Zeitalter der Fugger. Bd. I. S. 9 ff, 22, 120—121, 126. II, p. 147, 183, 205 ff., 258 ff.

Однако же перемена по сравнению с предыдущим периодом заключалась прежде всего в том, что займы были гораздо крупнее и что иностранные банкиры, которые во Франции и Испании успели потерять свои деньги, заменялись постепенно местными. Займы теперь заключались у них: в Англии – с середины XVI в., во Франции – в XVII в. Перемена состояла и в том, что при заключении займов обращались не к отдельным лицам, а к бирже – Антверпенской, Лионской, – где создавалось мнение об общей кредитоспособности того или иного монарха независимо от определенного источника доходов, предоставляемого на покрытие займа. Благоприятное мнение биржи, создавшееся под влиянием различных сведений, которые нередко фальсифицировались агентами данного правительства, вызывало повышательное настроение на бирже и повышение курса выпускаемого займа; при возникновении сомнений в платежеспособности монарха оно сменялось понижательным движением¹⁰². В других случаях объявлялась публичная подписка на новый заем, как это было в Англии с конца XVII в.; она привлекала во Франции в XVII в. и провинциальное население; в Нидерландах подписка принималась непосредственно в «конторах» государства, с обходом всяких посредников; в Англии посредником являлся Английский банк. К этому способу прибегала и Австрия, тогда как немецкие князья еще в XVIII в. отправлялись на каждую франкфуртскую ярмарку или посылали туда своих приближенных для разыскивания денег у тамошних капиталистов; последним выдавались индивидуальные облигации на мелкие суммы. В Амстердаме, Франкфурте-на-Майне, Генуе, Женеве мы находим банкиров, которые в качестве комиссионеров различных правительств занимались специально размещением государственных займов среди публики, так что выпуск займа происходил не сразу, а как бы непрерывно¹⁰³.

Только Нидерланды и Англия ушли значительно дальше в области развития своего государственного кредита; они производили не принудительное, как во Франции и Германии, а добровольное понижение процента по займам – конверсии: кредиторам предлагалось либо получить обратно долг, либо согласиться на более низкий процент. В Нидерландах таким путем в середине XVII в. процент был понижен с 6 до 4, в Англии в середине XVII в. с 4 до $3\frac{1}{2}$ и 3 %. Далее, в Нидерландах исчезают определенные фонды на покрытие займов; последние теперь гарантировались всем состоянием государства. В Германии и Австрии еще в начале XIX в. указывались специальные источники, из которых должны покрываться проценты и капитал. Наконец, краткосрочные неутвержденные долги превращаются постепенно в бессрочные консолидированные займы. В Англии в 1715 г. появляется впервые 5%-ная бессрочная рента; к концу XVIII в. (в 1786 г.) бессрочные займы здесь достигли огромной, неслыханной для того времени цифры в 240 млн фунтов стерлингов, – из них более $\frac{2}{3}$ заключалось в 3%-ной ренте, тогда как за 50 лет до того они не превышали $\frac{1}{6}$ части этой суммы (43 млрд)¹⁰⁴.

До 20-х годов XVIII в. в Англии публичный кредит эксплуатировался различными способами: во-первых, посредством заимствования больших сумм акционерных капиталов крупных компаний; во-вторых, посредством самостоятельных лотерейных займов, т.е. таких, при которых участники займа получали весь капитал сполна с процентами и, кроме того, некоторые из них выигрыши, расход по которым падал на казну; в-третьих, посредством самостоятельных же займов срочных; наконец, в-четвертых, посредством разного рода сочетаний операций страховых с займами¹⁰⁵. Новый период начинается со времени выпуска 5%-ной бессрочной ренты в

¹⁰² Samuel. Die Effektenspekulation im 17. und 18. Jahrhunderte. S. 28. ff., 86 ff. Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. Bd. II. Соч. о биржевой спекуляции: Don Joseph de la Vega. Die Verwirrung der Verwirrungen. Vier Dialoge über die Börse in Amsterdam. Übersetzt und eingeleitet von Pringsheim. 1919. Pinto. De la circulation et du crédit. 1771. Mortimer. Every Man his Own Broker. 1762. Hughton. Collection for the Improvement of Husbandry and Trade. 1727.

¹⁰³ Landmann. Entwicklungsgeschichte der Formen des öffentlichen Kredites. S. 50 ff.

¹⁰⁴ См.: Кауфман. Государственный долг Англии.

¹⁰⁵ Кауфман. Государственный долг Англии.

1715 г.: в бессрчную ренту постепенно превращаются (консолидируются) все старые формы неутвержденного долга, причем понижаются проценты (до 3%) по этому консолидированному долгу, т.е. совершается то, чего в Пруссии и Австрии достигли не ранее середины XIX в., во Франции – не ранее начала XIX в. До середины XVIII в. английское правительство пользовалось кредитом умеренно, предпочитая займам, несмотря на их дешевизну, новые налоги и стараясь при всякой возможности погашать займы; учреждается специальный погасительный фонд (Вальполя), по образцу которого значительно позже, в начале XIX в., возникли фонды погашения государственных долгов в Пруссии, Баварии, Бадене, Вюртемберге (в Саксонии уже в 1763 г.)¹⁰⁶. Во второй половине XVIII в. в Англии займы стали менее шадить, погасительный фонд отвлекается от своего назначения; он идет не на погашение долгов, а на уплату процентов, и долг необычайно быстро достигает никогда и нигде не виданной прежде в истории высоты. Последняя вызывает опасения даже у таких мыслителей, как Адам Смит и Давид Юм.

В Амстердаме во время войны Англии с американскими колониями возникал вопрос о том, долго ли Англия еще в состоянии будет платить проценты по своим долгам, а в 80-х годах XVIII в. один писатель утверждал, что либо нация должна уничтожить свои долги, либо долги уничтожат ее. Но уже 20 лет спустя историк Синклер пророчески писал: потомство будет смеяться над глупостью наших государственных деятелей, которые решаются утверждать, что источники наших доходов исчерпаны. Уже с середины XVIII в. государственный кредит Англии, как и финансы ее вообще, покоились на прочных основаниях¹⁰⁷.

Отсутствие банков, кредитующих торговлю и промышленность, должно было привести к тому, что торговые обороты в эту эпоху производились в значительной мере не в форме немедленной уплаты за товар, а в кредит – торговцы взаимно кредитовали друг друга, – и не только в Англии, где, по словам *Дефо*, $\frac{2}{3}$, в некоторых отраслях производства – $\frac{4}{5}$ всех операций совершались в форме кредита, но и во Франции, где, как утверждает *Савари*, в XVII в. большая часть товаров на ярмарках закупалась в кредит и уплата производилась лишь на следующей ярмарке. А в то же время торговцы вынуждены были в широких размерах отпускать товары в кредит потребителям.

Савари полагает, что для оптового торговца выгоднее и безопаснее иметь дело с розничными торговцами, живущими в том же городе, чем продавать их торговцам других городов или на ярмарках и рынках, потому что в первом случае они лучше знакомы с тем, как эти торговцы ведут свои дела, так и по той причине, что с местных купцов легче взыскивать долги и, в случае их банкротства, легче добиться удовлетворения.

Вообще, открывая кредит розничным торговцам, оптовый торговец не должен доверять одному и тому же купцу в кредит слишком больших сумм; не должен, в случае просрочки, ставить ему нож к горлу или требовать уплаты 10% за просрочку, ибо это может повести к разорению должника; не должен полагаться на то, что молодой торговец происходит из хорошей семьи и сын богатых родителей, ибо родители нередко отказываются платить долги своих детей. Наконец, он должен следить за тем, не открывает ли кредитуемый им розничный торговец кредита знати или всякому встречному, ибо если этому торговцу не уплатят долгов, то и он, кредитор, ничего не получит¹⁰⁸.

В этой продаже товаров в кредит знатым лицам *Савари* усматривает особенную опасность для розничного торговца и советует последнему, кредитуя государей, дворян, придвор-

¹⁰⁶ Эти погасительные фонды следует отличать от тех источников, которыми гарантировались займы и которые нередко предоставлялись в распоряжение самих кредиторов. Учреждая погасительный фонд, государство не только сохраняло его в своих руках, но и вообще создавало его не в качестве гарантии для кредиторов, а в целях облегчения себе самому погашения займов, и поэтому, когда оно, как это обычно, бывало, тратило его на другие нужды, то никакого нарушения им принятых на себя обязательств (в отличие от случаев использования источников, которыми обеспечивался долг) не происходило.

¹⁰⁷ Sinclair. The History of the Public Revenue of the British Empire. 3rd ed. 1803.

¹⁰⁸ Savary. Le Parfait Négociant. Т. II. Р. 62—64.

ных, предварительно выяснять хорошенько их материальное положение, степень задолженности и т.д., ибо от невыполнения этих предосторожностей и от легкомысленного кредитования этих лиц происходит большинство банкротств купцов. Правда, при продаже на наличные нет возможности продать по столь высокой цене, как сбывая в кредит, однако лучше довольствоваться меньшим, без жадности, чем только в фантазии своей увеличивать свои богатства, раз денег в действительности не платят.

Во всяком случае, *Савари* настаивает на том, что в случае неуплаты покупателем в течение года следует закрыть ему дальнейший кредит. Хотя на это возражают, что в этом случае знатный покупатель покинет торговца и что последний – это характерно – не в состоянии будет сбывать ему в кредит товары низшего качества, которые трудно продать на наличные, но ведь знатные господа нередко не платят по 3, 4 и даже по 10 лет, и торговец часто убеждается в конце концов в том, что он попался впросак и лучше было бы, если бы он всех этих операций не производил. Не следует поэтому поддаваться просьбам и обещаниям таких клиентов, а надо, сохраняя почтительность, быть твердым и при неуплате решительно отказать. Известны случаи, когда они и сами, накупив в кредит товаров для своих приближенных или метресс, были в претензии на купцов, которые слишком легко их отпускали.

Особую главу *Савари* посвящает тому, как взыскивать долги, какими способами торговец должен добиваться, в особенности у знатных лиц, придворных, дворянства, уплаты за доставленные им товары. Он советует для этой цели выбрать осторожного, но решительного и в то же время терпеливого служащего, который должен отправиться к должнику рано утром, чтобы застать его дома (к другим, впрочем, вечером, если они бывают в то время дома), и в первый раз мягко, а в дальнейшем настойчиво требовать уплаты, угрожая взысканием по суду. Необходимо много терпения, ибо иногда приходится много раз ходить к одному и тому же должнику и выслушивать много грубых и неприятных слов. Нужно, далее, носить с собой чернильницу, перо и бумагу, чтобы должник, обещав уплатить, не мог сослаться на то, что у него нет пера и чернил и потому он не может подтвердить на бумаге своего обещания. Не следует посылать для получения денег того приказчика, который сидит в лавке, ибо при взыскании долгов приходится говорить неприятные для должника вещи, и если он увидит в лавке того, с кем он имел дела этого рода, то пройдет мимо. Иногда купцу приходится и самому отправляться к неисправному покупателю, и часто это лучше, ибо последний не так легко откажет торговцу, как приказчику. Но с другой стороны, когда приходится говорить резкости должнику, то лучше это сделать через служащего, ибо если должник, выслушав его неприятные слова, уплатит, а затем будет выражать свое возмущение, то торговец может сослаться на то, что он такого приказания не отдавал, и таким путем он сохранит себе покупателя.

К этому *Савари* присоединяет, что, согласно ст. 7 тит. 1 ордонанса 1673 г., купцы оптовые и розничные, каменщики, плотники, слесари, стекольщики и т.д. обязаны требовать уплаты не позже, чем в течение года по продаже товара или по исполнении работы. Это постановление вызвано тем, что когда допускалось взыскание старых долгов в том случае, если поставка товаров продолжалась, то имели место вторичные требования по уже уплаченным долгам. Но если до истечения года произведен расчет с покупателем и последний подписал счет, обязавшись уплатить его, то может пройти хоть тридцать лет, и долг все же сохраняет свою действительность и принимается ко взысканию¹⁰⁹.

Савари имеет в виду главным образом, как видно из различных мест его книги, торговлю разного рода ценными тканями: шелковыми, бархатными, вытканными золотом и серебром, тонкими сортами сукна, кружевом, почему он и упоминает в первую очередь знать в качестве покупателей этих предметов роскоши. Как видно из его слов, придворные и дворяне имели привычку покупать все это в кредит и торговцу нелегко было получить свои деньги за продан-

---

¹⁰⁹ Ibid. Т. I. P. 580—590.

ные товары. Однако вместе с тем из того же *Савари* можно усмотреть, что кредит вообще, как по отношению к торговцам, так и потребителям, открывался в значительных размерах. Это видно также из приведенного ордонанса, вынужденного изменить прежние условия кредитования и установить годичный срок для действительных обязательств.

О степени распространенности продажи в кредит в Германии дает представление *Марпергер*, сочинение которого относится к 1714 г., и *Лудовици*, писавший в середине XVIII в. *Марпергер* говорит, что продажа на наличные – вещь простая; напротив, сбыт в кредит – дело весьма трудное, и «многие продавцы держатся принципа: кто хочет получить в долг, пускай приходит завтра, почему надо иметь сотни извинений наготове для тех, кому не желаете отпустить в долг; или же им прямо говорят, что продажа производится исключительно на наличные, и если покупатель желает получить товар, то пускай придет за ним, одновременно уплачивая деньги, тогда как у торговца нет никого, кого можно было бы впоследствии послать за деньгами»¹¹⁰.

Лудовици также советует торговцу в отношении долгов быть весьма осторожным и требовать в случае кредитования вещей в залог или поручительства, и хотя такие условия могут вызвать возмущение, но лучше выслушать неприятные слова, чем потом ходить за своими деньгами и кланяться, или ждать много лет, или добиваться уплаты судом. При этом предпочтительнее давать в долг людям простым или среднего состояния, чем людям высокого звания, так как от последних добиться чего-либо гораздо труднее, да они могут еще и притеснять торговца. И он повторяет те же слова о том, что торговец должен иметь тысячу извинений наготове, чтобы отбояриться от покупателей, падких до покупки в кредит. С другой стороны, он сообщает о том, что среди самих купцов существует обычай кредитовать до следующей ярмарки или на 3, 6, 12 и даже 14 месяцев, причем в случае более ранней уплаты делается уступка (рабатт) или вычет из цены¹¹¹.

Подробно останавливается на этом *Бюш*, указывая на то, что оптовый торговец вынужден отсрочивать платеж покупающим у него розничным торговцам и мануфактуристам, ибо те и другие, в отличие от (оптового) купца, не могут сразу сбыть свои товары; под мануфактуристом он понимает скупщика, который закупает сырье для раздачи его кустарям с целью переработки и лишь спустя много месяцев имеет возможность продать готовый товар. Отсюда возник, по-видимому, впервые в Нидерландах обычай у оптовых торговцев насчитывать розничным и мануфактуристам на цену товара ²

---

¹¹⁰ *Marperger*. Notwendige und nützliche Fragen über die Kaufmannschaft. S. 53, 74, 196.

¹¹¹ *Ludovici*. Grundriss eines vollständigen Kaufmanns-Systems. § 93, 143, 180.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.